Три стервы

Автор:
Титью Лекок

Три стервы

Титью Лекок

Популярная французская писательница, журналистка и блогер Титью Лекок – автор трех успешных романов. Первый же из них, “Три стервы”, сразу принес ей громкую известность. Эта яркая и остроумная книга о любви в эпоху интернета разошлась во Франции двухсоттысячным тиражом. Планируется ее экранизация.

Три молодые парижанки – журналистка Эма, барменша Алиса и загадочная аристократка Габриэль – создают в небольшом баре нечто вроде клуба, где обсуждают проблемы женской независимости и пишут Хартию Стерв – свод правил, которым они пытаются следовать в отношениях с мужчинами. Любовные переживания и проблемы на работе – основное содержание Эминой жизни. Но когда она узнаёт о подозрительном самоубийстве подруги детства, она затевает расследование, вовлекая в него Алису, Габриэль и обаятельного пофигиста Фреда, икону социальных сетей.

Титью Лекок

Три стервы

© Titiou Lecoq, 2013

© Photographee.eu/Shutterstock, Inc, фотографии на обложке

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО “Издательство АСТ”, 2016

Издательство CORPUS ®

Моей сестре

Пролог

Вечеринка в память о Курте

Сначала – звонок, хлопает дверь, открывается и закрывается, туда-сюда. Топот в прихожей. Поцелуи и всякие “О!” и “Ух!”.

– Явился? Я думала, ты еще пашешь.

– Вообще-то должен был, но я здорово продвинулся.

– Слушай, Антуан, давай не будем о работе, ок? Не сегодня…

Сплошной гул голосов. Звон стаканов.

– Свечи принесла?

– Нет, они за Эмой.

– Все, тишина, начинаем…

– Свечей у меня нет, зато есть водка.

– Водка! – повторяет чей-то голос. – Годится!

– Но не станем же мы вызывать его дух, вышли уже из этого возраста…

– Решил косить под старого хрена?

– Ну, слушайте, сколько еще мы будем это мусолить?

– Пока Кортни не предъявят обвинение.

Смех.

– Ох, ребята, вы реально больные.

– Эй, феминистка, хватит.

– А если мне это действует на нервы? Она обязательно должна быть сукой, да? Давай, Эдип, разберись со своей мамашей!

– Ух ты! Что-то все сегодня очень агрессивные, да, Шарлотта?

– Ага, только они тебя провоцируют. Ты сегодня в своей самой красивой майке, Фред…

– Тебе правда нравится?

– Да нет, она прикалывается. Тебе каждый год талдычат, что майка с In Utero – полный отстой.

– Нет, честно, мне нравится. Это оригинально, что ты… не выбрал Nevermind.

– Чего? Кому-то хочется, чтоб я ходил с Nevermind? Ну-ну…

– Да подожди ты, я вот принес диск с неиздававшимися би-сайдами.

– Выкинь свои неиздававшиеся – они все вышли на последнем бокс-сете. Все это сука Кортни, да, Эма?

– Ты меня достал, Гонзо… А вот ставить водку на мой стол от Старка не надо. Похоже, ты так и застрял на гранже…

– Слушай, у тебя сейчас кто-то есть?

– Да, я кое с кем встречаюсь.

– Ого, гениально!

– Девчонки, кончайте разговаривать с ним как с трехлетним!

– А чем она занимается?

– Она из универа.

– Вау! Препод?

– Нет.

– Аспирантка?

– Тоже нет, она студентка, второй курс заканчивает.

– Ну ты даешь, Фред! Зацените, он только что признался в педофилии. Сколько же ей лет?

– Девятнадцать.

– Нет, прикиньте…

– Ладно, начнем?

– Блин, начнем что? Опять дискуссию о самоубийстве, да?

– Да вы что, сегодня пятое апреля, не об акциях же говорить?!

– Ладно, вперед. Итак, я считаю, он покончил с собой, потому что жизнь – полное дерьмо. Так го-дится?

– Он не кончал с собой! На ружье никаких отпечатков, даже его собственных, так что его убили, и я считаю, что это…

– Заткнись! Он покончил с собой, потому что “система звезд” – не его фишка, он в это никогда не играл.

– А я вам скажу, если б Курт увидел сейчас нас, сборище тридцатилетних буржуа, довольных жизнью и вспоминающих о гранже раз в год, он бы пустил себе вторую пулю в лоб.

Часть первая

Глава 1

Похороны и Стервы

Последние десять минут Эма упорно держала голову запрокинутой и сверлила глазами потолок церкви. Скользя взглядом по замысловатым изгибам готических арок, она пыталась удержать слезы и надеялась, что ей это удастся. Но во-первых, уже ощутимо ныл затылок, а во-вторых, становилось все очевиднее, что приличествующих обстоятельствам слез не избежать. И хотя она приняла твердое решение изгнать все мысли, так или иначе связанные с ней, от этого сборища людей в черном со знакомыми, но осунувшимися и бледными лицами

деться было некуда. Поэтому в горле застрял ком и мешал дышать. По другую сторону прохода она видела родителей и вечного, но от этого не менее эфемерного жениха, Тюфяка Первого. Бедный парень был полностью раздавлен. Его лицо, в котором и в обычные-то дни было не больше мужественности, чем во фруктовом желе, теперь окончательно растеклось. Даже сидевший рядом с Эмой Антуан был белее полотна. Его руки безжизненно лежали на коленях, таким же безжизненным казалось и все тело. Он словно был устремлен к какой-то одной точке, возможно, к огромному золоченому распятию, нависавшему над собравшимися. Ей не хотелось, чтобы подумали, будто она взвешивает печаль или оценивает уровень горя каждого из присутствующих, но она не могла удержаться, чтобы не следить за их поведением. В ожидании начала церемонии по церкви прокатывались, отдаваясь эхом, едва слышные шепотки. Если уж зрелище чужой печали так потрясало ее, то страшно подумать, что с ней будет во время самих похорон. В данный момент у Эмы имелись два совершенно конкретных опасения. Опция номер один: на нее нападет безумный смех, она будет, как психопатка, хохотать во все горло, с выпученными глазами, надувшимися на шее венами, бесконтрольно размахивая руками, – то есть вести себя как готовый кандидат на койку в дурдоме. Опция номер два: все будет гораздо проще, и во время кремации она свалится на пол. В обоих случаях ее сочтут истеричкой, непременно заподозрят, что она под кайфом, причем в святом месте, и наверняка расценят это как отягчающее обстоятельство. К счастью, гроб она пока не видела. Чтобы сохранить душевное равновесие, Эма еще раньше категорически отказалась присутствовать при том, как тело будут класть в гроб. “Но, знаешь, бальзамировщики проделали потрясающую работу по реконструкции лица”. Из этой фразы, причем наверняка из-за наличия в ней “но”, она сделала вывод, что такая оценка призвана успокоить ее. Вот только Эму, как человека более или менее нормального, она заставила окаменеть от ужаса и добавила лишнюю сотню метров к расстоянию, которое она определила между собой и гробом. Реконструкция лица… Эма не хотела видеть это лицо ни мертвым, ни реконструированным.

Учитывая ситуацию, уже чудо, что семье удалось добиться похорон по церковному обряду. Она как раз пыталась прикинуть, сколько отвалили Дюрье, чтобы обойти запрет на произнесение слова Божьего над гробом, как вдруг почувствовала, что ее дернули за бретельку лифчика, и услышала слабый щелчок. Она в ярости обернулась:

– Ты что, Гонзо. совсем офигел?!

Он искренне расстроился и развел руками:

– Пардон, не удержался. Слишком живо вспомнил, как ты сидела передо мной на лекциях по философии.

Антуан бросил на них в высшей степени неодобрительный взгляд, но тут вмешался Жиль:

– Ладно тебе, Антуан, каждый справляется со стрес-сом, как может.

На кафедру поднялся священник с двумя мальчиками-служками. Присутствующие встали, вразнобой зашаркав стульями. И тогда Эма поняла, что у опции номер один шансов нет и она прямиком провалится в истерику – держать удар она не способна. Завершив свой выход на сцену, священник сделал присутствующим знак садиться.

– Дорогие друзья, сегодня мы собрались в храме Божьем, чтобы попрощаться с Шарлоттой Дюрье.

Эта предельно простая фраза, к тому же содержавшая полный набор презираемых Эмой клише, вызвала такую бурю физических реакций, с которой ей не совладать. Стремительно накатывался обморок, и при этом комок в горле быстро разрастался, словно опухоль. Слезы уже готовы были пролиться, когда – о Божественное чудо! – звук поспешных шагов спас ее от катастрофы. Фред, растерянный, задыхающийся, остановился посреди центрального прохода, и даже на расстоянии всем была дана возможность созерцать струйки пота, скатывающиеся по его щекам, исцарапанным поспешным бритьем. Гонзо похлопал Антуана по плечу:

– Твой братец в своем репертуаре!

Бедняжка Фред явно паниковал. Эма осторожно махнула ему рукой, приглашая занять место рядом с ней. И только когда он скользнул на соседний стул, который из-за церковной акустики, естественно, заскрипел с удвоенной силой, она заметила, что изображено у него на спине. Этот придурок ухитрился надеть свою знаменитую футболку In Utero. Чтобы оценить степень дурного вкуса, нужно зримо представить себе сам рисунок: ангел с ободранной кожей и оголенными мышцами, венами, кишками и прочими внутренностями. Для

похорон лучше не придумаешь.

Несмотря на это, секунд через сорок она уже превратилась в насос, с всхлипами качающий слезы. Гонзо неловко схватил ее за плечо, но его жест только усилил рыдания. Тело полностью вышло из-под контроля, как потерявшая управление машина, хотя Эма ощущала себя странным образом холодной и далекой от разворачивающейся на ее глазах сцены. Она словно беспомощно наблюдала со стороны за собственными слезами. Приступ строго следовал четкому порядку. Стоило священнику или кому-то из близких взять слово, как она начинала рыдать и, соответственно, больше ничего не слышала, что позволяло ей успокоиться. Но, едва затихнув, она снова начинала воспринимать надгробные речи, и водопад возобновлялся. Можно было подумать, что ее организм решил избавиться от всей содержащейся в нем жидкости. Если так дальше пойдет, из пор начнет сочиться кровь. Она тщетно пыталась сосредоточить внимание на Антуане, который попеременно сминал и разглаживал листок с текстом молитв, демонстрируя полное безразличие к ее талантам плакальщицы и будто не слыша всю богатую гамму производимых ею звуков: шмыганье носом, кашель, повизгивание, стоны, жалобное бормотание, задушенные вскрики.

Когда она покинула церковь, буря рыданий утихла, и Эма снова задышала. Как и положено на парижских похоронах, погода была пасмурной. Все они, старые друзья, собрались тут: молча затягивались сигаретами, выглядели неуклюже и держались чуть в стороне от остальных, пробуя угадать, какую роль эти люди могли играть в Шарлоттиной жизни. Что до них самих, то какие тут могут быть сомнения, все написано на лицах. С тем же успехом они могли держать табличку со словами “лицейские друзья”. Они долго так стояли рядышком, ждали и не произносили ни слова. Время от времени в их группке раздавался вздох. Шорох гравия, поддетого чьей-то ногой. У Жиля были красные глаза, и посреди молчания он произнес довольно неуклюжее “фак!”. Фред, который, к счастью, опять надел куртку, вдруг спросил, что они здесь делают. Ему ответил брат, чуть раздраженно объяснив, что они идут “домой”, чтобы помянуть покойную. А Гонзо неудачно пошутил насчет “убийственной атмосферы”.

Позднее Эма старалась не вспоминать этот “чертов говенный день”. Серия предельно неловких эпизодов, попытки друзей доказать, кто из них круче, странная идея, зародившаяся в ее гениальной голове. Все это сошлось на скромной поминальной тусовке, организованной в доме Шарлотты и Тюфяка. Тюфяк, впрочем, тут же превратился в Хлюпика в ходе душераздирающей

сцены: рыдая и хлюпая носом, бедный парень свалился на пол гостиной (то есть имела место Эмина опция номер два) и принялся подвывать, как свинья, которую режут:

– Я не понимаю. Не понимаю. Все было нормально. Да, у нас были проблемы, как у всех. Почему же она не была счастлива?.. Я все делал для нее. И с работой все было хорошо. Она даже писала статью для Objectif Economie. Мы только что купили дом. Я готов был на все ради нее… Почему? Я даже не знал, что у нее есть оружие.

К счастью, вскоре двое мужчин в темных костюмах твердо взяли его под руки и вывели из комнаты. Приличия здесь блюли строго.

К этому времени Эма потеряла из виду своих приятелей. Ее окружали абсолютно пустые стены слишком белой квартиры, в которой так и не успела расцвести семейная жизнь. Эма вперилась застывшим взглядом в накрытый стол, испытывая при этом удушье, нараставшее с каждой секундой. И ни намека на бутылку водки, естественно. Горе здесь, конечно, заливали, но исключительно марочным бордо.

– Я бы посоветовал сент-эмильон.

Она обернулась. Ей хватило одного взгляда на чувака в безупречном костюме, чтобы догадаться: будет клеить. Достаточно его улыбочки. Уверен, мудак, что обходительность решает все.

– Спасибо, но я не пью, – ответила она тоном, который мог подразумевать “и не трахаюсь тоже”.

– Не хочу выглядеть невежливым, но вы, по всей вероятности, Эма? Шарлотта и Эдуард много рассказывали о вас…

Подобные фразы всегда вызывали у нее острый приступ паранойи. Когда о ком-то рассказывают много, то наверняка отнюдь не для того, чтобы превозносить его достоинства. А если еще учесть отношение Шарлотты к Эминому развратному образу жизни…

– А вы кто? Могу предположить, что коллега по работе.

– В точку. Позвольте представиться, Фабрис. Я кон-сультант в McKenture, из того же отдела, что Шар-лотта.

– А-а-а… Никогда ничего не смыслила в Шарлоттиной работе.

К несчастью, он принял это замечание за свидетельство интереса и принялся ее просвещать.

– Да, все очень сложно. Но если объяснить более-менее простыми словами, то компании спрашивают у нас совета по повышению рентабельности, улучшению показателей. Гамма возможных инструментов достаточно широка: слияния и поглощения, сегментация продукции и рынков, разработка новых продуктов, снижение затрат. Мы всегда готовы помочь, предложив меры, адаптированные индивидуально под конкретные условия.

Бинго, он поставил рекорд – ухитрился воткнуть в одну-единственную тираду как минимум десяток слов, которые она ненавидит.

– М-да… Я и мир бизнеса, знаете ли…

– Мы занимаемся как частными, так и государственными предприятиями. Вы бы удивились…

– Вот в этом я не сомневаюсь… Извините, но сейчас я хотела бы побыть одна. Для меня это трудный день.

Эма ожидала, что он хотя бы сделает вид, что смутился. Но нет. Месье “Мир-бизнеса-прекрасен” сохранил ту же непринужденную улыбку, протягивая визитную карточку “на случай, если вам захочется что-то реструктурировать в своей жизни”.

Эма быстро отошла. У нее кружилась голова, и ее подташнивало. Вытащив телефон, чтобы прикинуть, сколько еще времени нужно оставаться в этом аду ради соблюдения приличий, она увидела непрочитанную эсэмэску от Блестера. Так, по крайней мере, его имя звучало – тогда она еще не знала, как оно

правильно пишется.

Надеюсь, это не слишком тяжело. Думаю о тебе. Позвони, если что-то не так.

Естественно, речи быть не могло о том, чтобы позвонить, они недостаточно близки, чтобы разделять подобные переживания. Секс, хоть с Блестером он и великолепен, не основание для того, чтобы рыдать в трубку. Тем не менее Эма была вынуждена признать, что его сообщение помогло ей вернуть спокойствие посреди этого кошмарного сна наяву. Кошмар достиг апогея, когда она угодила в ловушку, оказавшись нос к носу с бабушкой Шарлотты. Старушка тихонько плакала у нее на плече и что-то бормотала. “Помнишь, как мы ездили на каникулы в Ниццу? Вы были маленькие, я отправляла вас спать, но слышала, как вы шушукаетесь до глубокой ночи, а когда я открывала дверь, вы притворялись, что храпите, а я делала вид, будто верю, что вы спите”. Эма все это отлично помнила, но не имела ни малейшего желания ворошить прошлое. В особенности сегодня, когда все воспоминания вызывали у нее глубокое отвращение. Она бы с удовольствием разделила их с Шарлоттой – без нее в них не было ни смысла, ни вкуса.

Брижит, мать Шарлотты, державшаяся с исключительным достоинством и безукоризненно исполнявшая обязанности хозяйки, заметила Эмино смущение и подошла, чтобы освободить от цеплявшегося за нее исхудалого существа. Эма воспользовалась этим, чтобы сбежать через дверь справа, которая, как выяснилось, вела на кухню. Первым, кого она там увидела, был Жиль. Он резко вздрогнул при ее появлении, а потом она заметила на заднем плане всех остальных – они явно пытались что-то скрыть.

– Все в порядке, – пробормотал Жиль, – это Эма Большие Сиськи.

Они отодвинулись, и она увидела Гонзо, который у окна скручивал огромную козью ножку. Глупая улыбка на его лице сразу разозлила Эму. Она с подозрением поинтересовалась, не надрались ли они. Жиль вытащил из-под стула бутылку и прошептал: водка. Она протянула руку и изрядно хлебнула прямо из горлышка, после чего уселась на стол. Кухня, как и вся квартира, была недавно обставлена новой мебелью и выглядела словно коллаж, выполненный в соответствии с рекомендациями глянцевого журнала по декору интерьера –

треть белого, треть красного, треть металла. Можно было подумать, что это выставочный образец кухни. Потом они впятером молчали, знаком прося друг друга передать бутылку, пока Гонзо, повернувшись к окну, не объявил:

– Ну, все, готово.

Однако он, похоже, имел в виду не косяк, который только что положил на стол. Со свойственным ему отсутствием такта Гонзо продолжил, обращаясь к Эме:

– Ты потом в бар к Алисе? Я на скутере, могу подбросить по дороге.

– Извини, я сразу пойду домой. Но очень мило, что ты предложил. Тем более я знаю, насколько ты бескорыстен…

Она почувствовала себя немного жалкой из-за того, что соврала ему, но ведь сегодня не самый подходящий день, чтобы клеиться. С тех пор как она имела глупость пригласить его на вечер DJ Стерв в бар, где трудилась Алиса, он к ней прилип. Однако отказаться от роли сводни, которую Гонзо ей, судя по всему, навязывал, – Эмино неотъемлемое право.

Антуан со стуком поставил стакан на стол.

– Фред, я знаю, что тебе на всех наплевать, но мог бы хоть сегодня проявить минимум уважения и избавить нас от зрелища твоей идиотской футболки. Мне пришлось извиняться перед ее родителями за твой наряд.

Фред опустил голову. Отношения “лидер – ведомый” между братьями не менялись. Обычно никто не вмешивался, но сегодня Антуан с его демонстративно покровительственным отношением к ним ко всем, как будто они малолетки какие-то, окончательно и бесповоротно достал Эму. Почти так же, как раболепное поведение Фреда.

– Иногда ты ведешь себя как последний дебил, Антуан. Твой брат хотел как лучше. Он надел эту долбаную майку, потому что на вечеринке памяти Курта Шарлотта сказала, что она ей нравится.

Фред, не поднимая головы, попытался разрядить обстановку:

– Не ругайтесь, пожалуйста. Не сегодня. Антуан прав…

– Погоди, Эма. Нечего меня тут жизни учить. Я общаюсь с братом так, как считаю нужным. К тому же, после всех гадостей, которые ты наговорила о Шарлотте, лучше бы помалкивала. Что до истерики, которую ты устроила в церкви, – браво! Особенно впечатляет, если вспомнить, что за последние десять лет вы ни слова не сказали друг другу.

– Да пошел ты! Я никогда не говорила гадостей, я ей высказывала то, что думаю. И вообще это не твое дело. У тебя и четверти наших с ней общих воспоминаний не наберется.

– Какие воспоминания? Как ты вечно из штанов выпрыгивала, пытаясь доказать, что она неправа, выбрав благоразумный образ жизни?

– Ты совсем козел?! По-моему, ты забыл, из-за чего мы поссорились…

– Тоже мне, мировая проблема. Вот только знать бы, было ли то, что с тобой случилось, ужасным и мучительным испытанием или все в порядке, ты легко справилась. Но похоже, единого подхода тут не существует.

Жиль принялся аплодировать, и хлопки прозвучали в комнате как-то неуместно.

– Браво. Восхитительный диалог. Тончайший вкус, точно выбраны время и место. Теперь вы довольны? Закончили? Потому что в лицее, помнится, ваши перепалки придурочных влюбленных продолжались неделями. И как вам только удавалось выносить друг друга целых два года!

– Знаешь, все просто, – ответил Антуан. – Мы друг друга не выносили.

Эма протянула руку, призывая Гонзо передать ей бутылку. Она сделала глоток, глядя в упор на Антуана, а потом вышла.

После того как Антуан так впечатляюще врезал ей, Эма смирилась с необходимостью насладиться вкусом марочного бордо. Через несколько минут, слегка забалдев, она скользила между гостями. Это напоминало ей какую-то

песню группы Chokebore, вот только саму мелодию она забыла. На нее вдруг нахлынула печаль. Но не лишенная надежды и механическая, как та, порожденная атмосферой, которая придавила ее в церкви. Да, ее подруга точно умерла, иначе зачем бы все эти люди собрались. Да-да, она умерла, и Эма вдруг явственно ощутила, что вместе с ней уничтожены пятнадцать лет воспоминаний. Исчезли долгие часы их споров. Все то, что никак не разделишь с умершей. И ни с кем вообще. Смерть лишает общие воспоминания яркости. Теперь это будут не воспоминания, а тусклые картинки, окрашенные печалью, расплывчатые и бесцветные. Вместе с телом в землю закопали все ее юные годы. Но, черт подери, она не могла не думать о том, что в двадцать девять лет как-то рановато хоронить подругу детства. Да, конечно, детсадовские косички, хвостики первых классов и лицейские дырявые джинсы остались далеко в прошлом. Но пусть они и отдалились друг от друга, все равно она – давняя подружка, с которой ты поссорилась из-за… из-за жизни, что уж тут… и на которую злишься, но при этом с радостью видишься с ней раз в год. А сегодня косички, розовые синтетические свитерки, от которых чешется кожа, фотки Марка-Пола Госселаара, наклеенные в дневники, – все это сгорело в одно мгновение и никогда уже больше не вернется. Не вернется – даже благодаря протянутой накрахмаленной салфетке, неровным камням мостовой или вкусу мадленки в чае[1 - Ассоциации, переносящие в прошлое героя Марселя Пруста. (Здесь и далее – прим. перев.)]. Те же ощущения она испытала, когда мать отдала в благотворительную организацию старый диван, обтянутый коричневым бархатом, тот самый, с кофейным пятном на подлокотнике. Позже цвета (коричневый с оранжевым оттенком), звуки (подвизгивающий скрип синтетики), запахи, эмоции будут смутно всплывать в ее памяти, чтобы тут же исчезнуть навсегда в том, что называют прошлым, иначе говоря, в небытии. То, что она считала незыблемым настоящим, свелось к ограниченному отрезку истории.

В прихожей она наткнулась на безвкусную сверкающую рамку с большой фотографией: они с Шарлоттой в рваных джинсах и клетчатых рубахах. Ее однажды сделал Гонзо, когда они тусовались в сквере. На их еще детских лицах сияют ангельские улыбки. В кадр, естественно, не попал косячок в руке Шарлотты. Эма с усилием помотала головой. Нет-нет, дело не только в этом, не только в розовых свитерках. Дело в том, какой стала окружающая действительность.

Шарлотта олицетворяла то, что было прежде. Они никогда не общались в MSN, Майспейсе и Фейсбуке. Они были подружками в те времена, когда выйти на улицу с телефоном – да, с телефоном, но не с этой мелкой штуковиной размером с сигаретную пачку, а с огромной пластиковой коробкой, которая стоит на

каком-нибудь комоде или столе и весит три тонны, – так вот, выйти на улицу с телефоном было бы все равно что совершить некий сюрреалистический акт. В те времена, когда тебе влетало за то, что ты на весь вечер монополизировала этот самый семейный телефон. В те времена, когда произносилась фраза, звучащая сегодня абсурдно: “Извините за беспокойство, это Эма, позовите, пожалуйста, Шарлотту”. То есть во времена до… А до чего, на самом деле? Она никак не могла точно сформулировать. Имелось бесчисленное количество примеров, которые у нее не получалось выразить одним точным словом. В техническом плане восьмидесятые годы казались такими же древними, как и пятидесятые. А холодная война столь же актуальной, как битва при Азенкуре. То есть доисторической. Когда же все изменилось? Наверняка где-то между двумя падениями: Берлинской стены и Всемирного торгового центра. Два физических обрушения, с которыми совпало расширение пространства стопроцентно виртуального. По Эминой оценке, десять последних лет гораздо радикальнее, чем все предшествующие десятилетия, перетрясли и частную, и общественную жизнь, а невообразимое сделали привычным и повседневным.

В 1994 году она довольно смутно представляла себе значение термина “программное обеспечение”. Теперь она, не задумываясь, использовала и карту памяти своего телефона, и карту памяти цифрового фотоаппарата или ноутбука. Она выросла без компьютера, но теперь не могла представить себе, как обойтись без интернета, без мгновенного доступа к информации, музыке, фильмам. Политические и технологические потрясения – новая эра, вне всяких сомнений…

Эма потихоньку закурила (единственный порок, который они с Шарлоттой разделяли до конца), и в этот момент опять нахлынула ярость против Антуана. Этот здоровущий самодовольный мудак ничего не понял. Соперничество между ней и Шарлоттой на тему моя-жизнь-лучше-твоей было единственной связью, которую им удалось сохранить после… их разногласий. Но настойчивость этого соперничества доказывала силу их взаимной привязанности, потому что каждая считала другую единственной достойной соперницей. И в результате ни одна не победила и не проиграла. Просто правила соревнования были нарушены. Шарлотта никогда бы не вышла из игры таким образом. В винегрете ее устоявшихся принципов – быть честной, строго следовать раз и навсегда установленным правилам, никогда не делать уступок и, главное, не разрешать гомосексуальным парам брать приемных детей, – судя по всему, должен был быть и такой: самоубийство является проявлением трусости. Эма подумала, что второй раз в жизни на нее сваливается событие, с которым она ничего не может поделать. Травма в чистом виде. И так уже слишком много эпизодов прошлого

держали ее в плену и не отпускали… Антуан не прав. Да, в последние семь лет девушки практически не разговаривали, но то, что они друг о друге знали, было значительно глубже любых правил вежливости, бытующих у взрослых людей. Они вместе провели долгие ночи без сна, выстраивая свои теории смерти и секса.

С тех пор как Эма узнала о самоубийстве Шарлотты, у нее не было времени, чтобы поразмыслить о нем. Но сейчас, находясь под алкогольными парами, стоя перед фотографией, запечатлевшей их дружбу, и озираясь в поисках пепельницы, она вздрогнула от не пойми откуда взявшейся мысли. Это было словно застрявшая между зубами крошечная песчинка, которую не удается локализовать. Эма только-только решилась стряхнуть пепел в горшок с домашним цветком, как ее осенило. Шарлотта не была ни на стороне смерти, ни на стороне жизни. Она просто была нормальной. А в этом самоубийстве не просматривалось ничего нормального. Будь оно так, это значило бы, что Эма никогда ничего не понимала и не знала свою лучшую подругу, однако она была уверена, что это невозможно.

Не описать облегчение, которое охватило ее в тот же вечер, когда она вошла в “Бутылку” и увидела Стерв и других знакомых в разных концах зала. Эма вспомнила, что они забыли предупредить посетителей: этим вечером диджея не будет. Но оказалось, что оно и к лучшему, поскольку Эма еще острее ощутила, как наконец-то возвращается к обычному течению жизни после дня, проведенного на ничейной полосе, когда она только и делала, что мусолила давние воспоминания. В зале кричали, хохотали, вопили. Алисе как бармену пришлось выставить бесплатную выпивку в качестве компенсации за отсутствие музыки. Друзья заходили по одному за стойку и проглатывали свою стопку в мгновение ока, чтобы толстяк Робер, хозяин бара, не заметил, как гости угощаются за счет заведения. Но поскольку степень их опьянения могла вызвать подозрения, Стервы время от времени что-нибудь заказывали. К сожалению, в последнее время Робер стал находить странным, что один-единственный коктейль способен привести их в такое состояние.

Объективно говоря, в “Бутылке” ничего привлекательного не было. Один из многочисленных парижских баров с пластиковыми столиками и стульями, с пятнами кофе и алкоголиками. Общее впечатление – преобладание коричневого цвета. Эма начала зависать здесь по чистой случайности. Заведение оказалось на полпути между ее квартирой и концертным залом с бесплатным входом, что

было большой редкостью. Перед концертом она заходила на несколько минут выпить у стойки кофе. Поскольку в то время она была единственной клиенткой моложе 75 лет, ее довольно быстро приметила барменша Алиса, которая регулярно выслушивала женоненавистнические оскорбления от старых алкашей и столь же, впрочем, регулярно ставила их на место. Вследствие половозрастной солидарности они принялись однажды болтать, Эма забыла о своем концерте и простояла весь вечер, облокотившись о стойку.

Спустя несколько недель, все так же облокотившись о стойку (она стала подозревать, что со временем на ней появятся следы ее локтей), Эма вместе с Алисой потихоньку подшучивала над обалденной девицей в вызывающе шикарном прикиде, которая в одиночестве допивала за столиком третий дайкири. И тут девица неловко поднялась, подошла к ним и с блуждающим взглядом спросила:

– Ну, что, стервы, вам в лом мое платье за две сотни евро?

Они так никогда не узнали, что Габриэль одна делала в баре тем вечером. Но, как бы то ни было, после того как толстяк Робер разнял едва не подравшихся Алису и Габриэль, несравненная Габриэль стала присоединяться к ним у стойки, чтобы обсудить проблемы мироздания.

Со временем они стали приводить подруг, и образовалось нечто вроде клуба. Окрестные пьяницы с изумлением наблюдали за тем, как их территорию захватывает банда девиц. В первый вечер каждого месяца проходило очередное собрание Стерв. Они разработали настоящую концепцию. В самом начале они, как и все их сестры по полу, ограничивались дискуссиями “между нами, девочками”, по большей части сводившимися к попыткам найти псевдопсихологические объяснения поведению их мужских alter ego. О собственных реакциях они не говорили ничего, ну, или почти ничего, лишь время от времени переспрашивая: “Я же была права, да? Вы со мной согласны?” Но когда речь заходила о мужиках, тут уж их поведение тщательно изучалось во всех ракурсах под лупой, под микроскопом и в рентгеновских лучах. Такие себе обсуждения с зашкаливающим уровнем радиации, типа Чернобыля. Начинались они с пересказа простейшего факта, например: “Я сказала Ромену, что поругалась с боссом, так представляете, как он отреагировал? Даже не спросил почему. Как будто ему это неинтересно!” По логике, им бы прийти к напрашивающемуся выводу: это его и впрямь не интересует. Но они, ввязавшись в некое странное, но азартное состязание, довольно быстро выруливали на “Этот

тип напрочь лишен эмпатии, у него явная тенденция к восприятию окружающих как неживых объектов. Не хочется тебя пугать, но это, как ни крути, симптом самых разных психопатологий. Иначе говоря, вполне может статься, что однажды он перережет тебе горло в полнолуние”.

А потом, во время самой банальной на первый взгляд попойки, Алиса конфисковала стаканы и объявила, что ее достало препарирование тонкой душевной организации их сексуальных партнеров. Тем более что они движутся по кругу, поскольку в конечном счете все это одни и те же проблемы, которые повторяются – независимо от конкретной мужской особи. И выводы, к которым они приходят, фактически сводятся к тому, что да, парень нужен, но так, чтобы он занимал не слишком много пространства. Он обязан уважать их независимость, ибо они современные женщины, но при этом в постели обращаться с ними как со шлюхами. Сделав ставку на их тройственный объединенный разум, Алиса заявила, что пора уже переходить к чему-то более конструктивному. Прекратить потоки занудных слезливых жалоб. Ее идея была по-настоящему революционной: пора заинтересоваться ими самими, девушками. Их поведением, реакциями. Придать хотя бы минимальную стройность противоречивым представлениям наследниц феминизма, согласовать благородные принципы равенства с их собственной повседневной жизнью.

В глазах Стерв сегодняшнее стремление женщин постоянно обвинять во всем мужчин выглядело не более убедительным, чем медийный тренд жалеть мужчин за полную потерю всех ориентиров мужественности. Вместо того чтобы вечно цепляться к мужикам, потому что они не дают женщинам слова в политических дискуссиях, каждой Стерве имеет смысл разглядеть в самой себе нежелание что-либо предпринять, чтобы взять это слово. Неприлично женщине требовать эмансипации от мужчины. Женщины должны взять все в свои руки, чтобы изменить существующий порядок вещей. А это требует постоянной бдительности. Для Стерв очевидно, что сексистские замашки, в которых обвиняют мужчин, первым делом необходимо искоренять у женщин. Все эти скрытые, подспудные автоматизмы – плоды длительной психологической обработки. Но, черт, насколько же труднее (поскольку стыдно) признать, что ты сама ведешь себя как смиренная рабыня, нежели швырнуть в морду мужикам, что все они беспардонные мачо.

После выявления этих автоматизмов, большинство которых основано на желании нравиться мужчинам, можно будет выработать линию поведения, способную им противодействовать. (Автоматизмам, конечно, а не мужчинам;

впрочем, Стервы решительно изгоняют из своего арсенала антимужские обобщения типа “все мужики – козлы”). Легко нести знамя феминистских принципов, пока они не мешают повседневной жизни. Однако сказать: “Да, я свободна и сплю, с кем хочу”, – означает, что уже нельзя назвать другую женщину “шлюхой, которая тащит в постель кого попало”. А ведь эта фраза не только позволяет дискредитировать соперницу по вечной женской борьбе за первое место, но и дает возможность заявить мужчине: “Смотри, какая я порядочная, я точно из тех, на ком женятся!”

Ежемесячное собрание Стерв было, таким образом, своего рода встречей в верхах, на которой вносятся уточнения в основополагающий документ, названный ими Хартией Стерв, обсуждаются теоретические вопросы и конкретные практики их применения и даже принимаются новые статьи Хартии. Однако тем вечером, когда Эма пришла в “Бутылку”, не похоже было, чтобы Стервы активно работали. Габриэль сидела за столом в окружении гудящего роя парней.

Там, где появлялась Габриэль, сразу возникали молодые люди. Даже если она не удостаивала их ни словом, рядом с ней всегда находилось с десяток взволнованных членов на изготовку. Увидев Эму, Алиса и Габриэль подошли к краю стойки. Алиса церемонно достала стакан, наполнила его, а потом подтолкнула к Эме, обессиленно взгромоздившейся на табурет. Она знала, что девушки не станут расспрашивать о похоронах, предпочтут дождаться, пока, следуя кодексу поведения друзей, она сама затронет тему. Эма зашла за стойку, пригнулась, чтобы махнуть свою бесплатную порцию, после чего спросила:

– Ну и как? Утвердили новые статьи?

– Не волнуйся, твое присутствие на ратификации обязательно, – ответила Алиса, снова наполняя стакан. – Были только выдвинуты предложения. Я бы добавила в список запретных фраз следующую: “Я мастурбирую, только если у меня слишком долго никого нет”. Можно подумать, мастурбация не более чем слабая замена пенису.

– Погоди. – Эма постучала по стойке, скорчив гримасу, словно это могло понизить градус алкоголя. – У меня есть кое-что похуже: “Я иногда ласкаю себя (потому что девушки не дрочат, они себя ласкают), но только под душем”. Эту фразу я тоже не хочу никогда слышать.

– А еще “Да, у меня есть вибратор Sonia Rykiel!” – добавила Алиса.

Габриэль демонстративно нахмурилась:

– Сразу предупреждаю – это я не поддержу. Она и правда делает очень красивые вибраторы.

– Но послушай, разве тебе не по барабану, красивый он или нет?! Тебе же нужно, чтоб он работал как следует. А все эти эстетические штучки исключительно для того, чтоб не бросалось в глаза, что это ви-братор.

– Проехали, я все равно это не поддержу. Две другие фразы – согласна. Может, стоит добавить в Хартию отдельную статью, посвященную мастурбации. Похоже, у вас обеих в последнее время это навязчивая идея.

Эме всегда было странно слышать подобные слова от Габриэль. В ее устах они звучали совершенно дико. Внешне Габриэль выглядела как Грета Гарбо с фигурой топ-модели. Идеальное лицо, бесконечно длинные ноги, сногсшибательная грудь, сдержанные и в то же время изысканные наряды. Одним словом, она держала марку, причем высокую. Она была прапраправнучкой Габриэль д’Эстре, герцогини де Бофор, от которой унаследовала имя и, судя по всему, внешность. Эма из любопытства специально просмотрела ее портреты – на самом известном из них, множество раз перепечатанном в учебниках литературы в разделе “Блазоны”[2 - Блазон – лирический жанр французской поэзии, популярный в XVI веке.], Габриэль д’Эстре изображена обнаженной, вдвоем с сестрой, которая щиплет ее сосок. У Эмы не было собственного мнения насчет их сходства – на портрете она видела только лицо женщины XVI века, да и, собственно говоря, ей всегда казалось, что на картинах той эпохи все тетки на одно лицо. Подобно своей знаменитой прапрабабке, фаворитке Генриха IV, Габриэль была любовницей политика, говорить о котором отказывалась. От предков-аристократов она унаследовала никогда не покидавшую ее невозмутимость. Полная противоположность Алисе, нервной и агрессивной.

– Предлагаю добавить, специально для меня: “Очень странно звучит, когда Габриэль произносит слово “мастурбация”.

Алиса расхохоталась.

– Ага, точно. Реально странно. Нельзя быть героиней восемнадцатого века и говорить такое.

– Шестнадцатого, дорогуша. 1570–1599. Учитывая это, я не в восторге от ваших вопиющих проявлений женоненавистничества.

– Мадам маркиза чувствуют себя оскорбленными?

Габриэль стукнула кулаком по стойке и притворно хриплым голосом провозгласила:

– Гарсон, а налей-ка мне еще пинту, вместо того чтобы нести галиматью.

Взрыв хохота.

– Уже лет шестьдесят никто не говорит “гарсон”.

– Как, впрочем, и “галиматья”… Слушай, Эма, хочешь, пойдем потом в “Скандал”? Сбросим напряжение на танцполе?

– Нет, спасибо, Стервочка. Сегодня вечером мне что-то не в кайф зажигать в клубе. Сегодня, уж признаюсь, я наревелась по полной…

– На похоронах лучшей подруги? Мегаудивительно, ничего не скажешь, – прокомментировала Алиса, которая, судя по всему, искренне старалась обеспечить покойной место, которое, как она считала, принадлежало той по праву.

Они явно ждали продолжения, хотели услышать составленный по всем правилам отчет о событиях. Однако пока Эмина голова была слишком забита картинками, которые она предпочла бы забыть. Но вот чем она действительно хотела поделиться, так это своей странной догадкой, которую необходимо было облечь в слова, чтобы удостовериться в ее жизнеспособности. Для начала успокоив подруг относительно своего душевного состояния, Эма изложила довольно туманную теорию песчинки, застрявшей в зубах. Сцена смерти выглядела как картина, к которой добавили лишний элемент. В виде огнестрельного оружия, которое как-то не вязалось со всем остальным. О существовании этой пушки

никто не знал. Больше того, по прошествии некоторого времени сам факт самоубийства Шарлотты выглядел нелепо. Это было… это было абсурдно. Невозможно.

– Сами понимаете, девочки, я просто не могла не сделать что-нибудь.

– Ух ты… – прокомментировала Алиса. – До слез похоже на прелюдию к попытке оправдать какую-то глупость…

– Вовсе нет, – возразила Габриэль. – Меня эта история начинает интересовать. Давай, рассказывай. Что ты сотворила?

– Ну… Не забывайте, что я была слегка под градусом. Мне не хотелось никого видеть. Поэтому я забрела в комнату, которая оказалась Шарлоттиным кабинетом.

– Такой себе случайный случай… И?..

– Раз уж я здесь, подумала я, ничего страшного, если я немножко пороюсь. Ну и стащила несколько фоток, дубликат ключей, а потом заглянула в ноут.

– И там ты нашла предсмертную записку, где говорилось, что она больше не в состоянии выносить вашу размолвку и хочет положить всему конец.

Едва закончив фразу, Алиса прикусила губу и жестом показала, что просит прощения. Эма покачала головой:

– Вовсе нет. Я нашла только всякие рабочие дела. Она скопировала и сохранила свою переписку с главредом экономического журнала, для которого готовила статью. Я стала ее просматривать, поскольку мне показалось странным, что она завела новую папку только ради этого. К тому же статьи – не совсем Шарлоттин жанр. Однако во всех двадцати мейлах они ни разу не упомянули тему готовящегося материала. Потом я просмотрела ее личные файлы, там тоже ничего. Только всякие служебные документы. Похоже на то, что последнее, над чем она работала, – это огромное досье под названием “Да Винчи”. Я там ни во что не врубилась. Какая-то экономическая заумь.

– А чем она занималась?

– Э-э-э… Трудно объяснить. Полная абракадабра. Она была консультантом в крупной конторе, специализирующейся на экономических стратегиях. Короче, объясняла крупным компаниям, как заработать неприлично большие бабки, оставаясь в рамках законности.

– Прошу прощения, девушки.

Они втроем обернулись к высокому парню, облокотившемуся о бар и помахивающему купюрой.

– Хотел бы заплатить за три пива.

– Девять шестьдесят, – буркнула Алиса.

– У меня тут двадцатка. Можно вас угостить?

– Пожалуй, я просто дам тебе сдачу, – ответила Алиса, роясь в ящике кассы.

– Так на чем мы остановились? – Габриэль обернулась к Эме, тем самым позволив симпатичному парню всласть полюбоваться своей задницей.

– Не знаю. В ее компе ни одного личного документа. Странно, правда? Ну, допустим… Но что самое неприятное, Тюфяк вдруг зашел в кабинет и увидел меня. Он изумленно помотал своей лошадиной башкой. Несколько секунд я наблюдала, как его мозги крутились на полную катушку, пока он не догадался, что я рылась в кабинете. Я сказала ему, что хотела забрать кой-какие снимки, и удалилась с высоко поднятой головой. А поскольку я Стерва разумная, то решила проверить свои смутные подозрения у нашего юного гения.

– У кого? – спросила Алиса, протягивая сдачу разочарованному клиенту.

– Да ты его знаешь, тот отшельник, который решил спрятаться от окружающего мира, после того как разгадал какую-то там тайну, – пояснила Габриэль. – Ты когда-нибудь слушаешь, о чем мы говорим?

– Извини, но иногда я все же работаю, пока вы чешете языками.

– Ладно, объясняю. Это младший брат Антуана, моего бывшего. Он был самым ярким из всей компании, настоящий вундеркинд. Учился как ненормальный, пока однажды все не бросил, снял жалкую студию в пригороде и встал на учет в агентство по временному найму. И мы так никогда и не узнали почему. Это загадка Фреда.

Габриэль повернула голову к Эме:

– Ты просто обязана нас поскорее познакомить. Меня интригует человек, разгадавший тайну жизни. Пригласи его на ближайший вечер с DJ Стервами.

Алиса вернулась к ним и облокотилась о стойку.

– И обязательно приведи Гонзо. Он мне понравился – всегда питала слабость к прикольным парням.

Когда Эма вернулась в гостиную после своего набега на кабинет Шарлотты, ее все же донимали пусть и слабые, но уколы совести. Она боялась обернуться и наткнуться на полуошеломленный, полушокированный взгляд Тюфяка. Ей пришло в голову, что это похоже на картину под названием “Правосудие разоблачает преступление”. А потом она услышала голос, произнесший: “Нет, она не препод, она учится… в общем, она студентка, ну, да…”, – и подошла. Фред стоял за распахнутой створкой двери и что-то бурно обсуждал с кузиной Шарлотты. Чтобы скрыть свой прокол с одеждой, он не снимал теплую куртку и обильно потел. Эма извинилась, что помешала, но кузина, похоже, только обрадовалась, что можно свалить, и тут же испарилась.

– Немедленно сними куртку, Фред. Ты похож на поросенка, умирающего от скоротечной лихорадки.

– Нет, нет, честное слово, все в порядке.

– Перестань, так и так все твою футболку видели. Да и вообще ничего страшного. По-моему, даже мило.

Фред отрицательно помотал головой. Еще немного – он и капюшон натянет, лишь бы доказать, что его немного познабливает при двадцати пяти градусах, мелькнула у нее мысль. Лоб его у корней волос был густо покрыт каплями пота.

– Я хотел поблагодарить тебя за поддержку. Ну, с Антуаном. Это правда было очень мило с твоей стороны. Но не надо ругаться с ним из-за меня. Футболка и впрямь не самая подходящая.

Взмахом руки она отмела благодарности.

– Да всем плевать на твой прикид, зайчик. Лучше вот что скажи мне, юный гений. Ты вроде бы долго трепался с Шарлоттой на вечеринке Курта Кобейна? Она тебе не показалась подавленной?

– Нет. Скорее наоборот.

– Веселая?

– Тоже нет. Но ее одолевала куча вопросов. Как будто она только что проснулась после долгого сна.

Эма заметила, что чем дольше Фред говорит, тем больше потеет. Тут она увидела, как у него на лбу начала расти капля крупнее остальных. Шли секунды, она должна была вот-вот скатиться и проложить дорожку вниз по щеке. Это хрупкое равновесие завораживало Эму и одновременно действовало ей на нервы.

– Так что ты сказал?

– На самом деле это она сказала. По ее словам, в последнее время у нее было такое ощущение, будто она просыпается после долгого сна.

– И что это значит?

– Кто его знает. Мне кажется, я всегда плохо понимал женщин. Как, впрочем, и мужчин.

В эту секунду он чуть дернул головой, из-за чего капля опасно дрогнула.

– Давай ближе к делу.

– Э-э-э… она задавалась вопросами по поводу личной жизни, полагаю. И была озабочена какой-то проблемой на службе. Она расспрашивала меня, но я, честно говоря, немного вмазал и плохо помню.

К Эминому облегчению, он вытер лоб рукавом куртки.

– Давай-давай, напрягись. И сними ты эту чертову куртку. Ты никогда не сконцентрируешься, пока твое тело занято только потением. Научно доказано.

– Да все в порядке, честно. Не так уж тут и жарко. Она хотела узнать мое мнение о чем-то, но ей трудно было формулировать вопросы. Речь шла о личной этике. И она хотела узнать, почему я все бросил.

– О да, все хотели бы это узнать, но я сейчас о другом.

– Мне нечего тебе сказать. Ты пытаешься понять, да? Тяжело, не поспоришь…

– М-м-м… Не знаю… Во всем этом меня напрягает одна штука… это так на нее не похоже… И еще невесть откуда взявшаяся пушка. Полная бессмыслица.

– Подобные вещи – всегда полная бессмыслица.

– Ну да… Только такой ответ меня не удовлетворяет.

В целом Стервы были скорее согласны с ней. На пути из “Бутылки” домой Эма размышляла. Неужели ее окончательно занесло на темную сторону (вспомним опцию номер один, которая ведет в психбольницу) или еще оставалось право на сомнение? Ведь если развить ее рассуждения, довести до логического конца – чего Стервы пока избегали, – нужно искать другое объяснение неожиданной смерти Шарлотты. А поскольку случайность маловероятна (обычно, когда чистят револьвер, его не прислоняют к виску), придется нащупывать мотив. Эму затрясло.

После захода солнца температура резко, на десяток градусов, упала, и холод буквально прошивал ее тонкую куртку. Конец апреля, еще неделю назад все рассекали в майках, а теперь придется включать отопление. Эма подумала, что такие температурные перепады, по всей видимости, могли нарушить синаптические связи в ее мозгу. Когда она поделилась со Стервами своими подозрениями, они только усилились, как если бы, будучи облеченными в слова, обрели реальность. Ограбление? Но ничего не украли. Тюфяка вдруг обуяла мания убийства? Но он выглядел искренне потрясенным. Она засунула руки в карманы до упора, надеясь отыскать хоть каплю тепла, и тут рядом с ней на безумной скорости пронеслась какая-то тачка. Эма едва успела заметить смеющиеся лица, и ее снова охватило дурацкое желание плакать. Потому что ее подруга умерла. Потому что она идет по улице одна, ей холодно и она такая беззащитная. Возможно, еще и потому, что слишком много алкоголя было выпито и слишком быстро. В обычной ситуации Эма сделала бы себе внушение, но в данный момент она догадывалась, что ей самой не справиться. И тогда она сотворила нечто немыслимое. Взяла телефон и позвонила Блестеру. Ее пальцы были красными от холода.

– Не отрываю?

– Нет. – Его голос был сверхвозбужденным, и это усилило ее подавленность. – Я дома, заканчиваю работу. Во Франции запускается Vanity Fair, и они вроде бы ищут дизайнера, так что я собираюсь показать свое портфолио. Ты как считаешь? Попробовать?

– Да. Это супер…

– Но мне придется изрядно попотеть, если я хочу представить нечто убедительное.

– …

– А ты как? Все прошло нормально?

– Да. Я просто так позвонила. Иду домой.

– А-а-а… То есть ты в результате еще куда-то ходила…

– Да так, забежала на минутку. Пересеклась ненадолго со Стервами. Ладно, завтра увидимся. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Хоть стой, хоть падай. Они заслужили главный приз за самый бессмысленный телефонный разговор в мире. Один-единственный раз она сделала шаг навстречу, а ему как будто плевать на это с высокой колокольни. Она, конечно, не подпускала Блестера к своей жизни, но мог бы и догадаться, что сейчас не время излагать карьерные планы. Более того, он ухитрился ткнуть ее носом в то, что она предпочла общество подружек, тогда как он предлагал ей провести романтический вечер. Но Стервы, по крайней мере, интересовались ее трудностями. Она поглядела на облачко пара, вырвавшееся изо рта. Отношения у любой пары всегда сложные и мучительные. Они, по определению, не могут быть простыми, легкими и неутомительными. В течение нескольких месяцев она повторяла ему, что они не живут вместе – “Мы не вместе, мы не семья, ты согласен?” – но все было напрасно: вечера, проведенные вдвоем, неумолимо становились регулярными, за чем неминуемо следовала череда заморочек, связанных с самой сутью совместной жизни. Как раз то, чего Эма стремилась избежать: она вовсе не хотела переживать из-за возможных душевных страданий партнера по поводу того, куда и когда она ходит и чем занимается. Итак, проблемы начались.

На следующее утро, еще не открыв глаза, Эма почувствовала, что в ее жизни появилось нечто новое, но что именно, она пока не помнила. Однако в мгновение ока все встало на свои места. Новое – это не неожиданное наступление Рождества на пару месяцев раньше срока и не предложение вести рубрику “Общество” в Vanity Fair, а вчерашние похороны лучшей подруги. Несмотря на усталость, которая за ночь не прошла, к ней быстро вернулась интуитивная догадка: что-то тут не клеится. Она поднялась с постели с назойливой мыслью, что сложившаяся картина выглядит неестественно.

Одной рукой она включила чайник, а другой – отключенный на ночь телефон. Потом пошла пописать, молясь, чтобы эта магическая процедура полностью вывела литры алкоголя, которые она поглотила накануне. Эма сидела на унитазе, когда пришла эсэмэска:

Не хочу, чтоб выглядело так, будто я тебя опекаю, но надеюсь, ты в порядке. Вечером увидимся?

Эме было лень отвечать, однако для себя она решила, что промолчит в назидание, типа чтобы ему стало ясно, насколько бестактно он выступил вчера. Но вообще-то очень мило с его стороны…

Пока заваривался чай, Эма немного порылась в гугле – от безысходности, и вообще надо же с чего-то начинать. Она узнала не только о том, что в Китае попытка самоубийства карается смертной казнью, но и что во Франции три из четырех самоубийств приходятся на мужчин-маргиналов старше сорока лет. Шарлота была тридцатилетней, идеально встроенной в социум женщиной. Почему, ну почему она захотела умереть? Причем таким жестоким образом – от пули, разнесшей голову вдребезги? Для нее всегда было важно соблюсти приличия, и даже если бы она и впрямь захотела покончить с собой, Шарлотта сделала бы это стильно. Ну не подростковое же увлечение группой Nirvana заставило ее выбрать такой кровавый способ. Нет, чем больше Эма размышляла, тем меньше все стыковалось.

Наверняка можно что-то сделать, чтобы подтвердить или опровергнуть ее ощущения. Личные проблемы… Что тут говорить, с Эминой точки зрения, одного бараньего взгляда Тюфяка достаточно, чтобы захотелось покончить с собой, но Шарлотта же так не считала. Фред упоминал и какие-то профессиональные заморочки. Ну и?.. Да, чего Эме не хватало, так это более серьезного источника информации, чем невнятные бормотания Фреда. Источника профессиональной информации… Эма сделала глоток обжигающего чая. К концу первой чашки ее осенило – в глубине души она определила это как “гениальный ход”. Ничего конкретного, даже не идея, просто некая штука, которую можно попробовать. Она тут же отправила сообщение по электронной почте.

Ответ пришел только в конце дня, когда она билась над статьей о последних художествах Бритни Спирс. Честно говоря, в газете, где она работала, господствовало довольно широкое понимание того, что годится для рубрики “Культура”. Можно сказать, полученный мейл превзошел самые смелые ее ожидания. С другой стороны, в нем не было ничего конкретного, никаких утверждений или однозначных формулировок. Всего лишь название, которое сразу привлекло ее внимание.

От: emagiry@yahoo.fr

Кому: fnaquet@objectifeconomie.com

Месье Наке,

С прискорбием сообщаю, что мадемуазель Дюрье не сможет продолжить сотрудничество с Вами. Дело в том, что бедная девушка, бывшая одной из моих самых близких подруг, решила преждевременно покинуть нас.

Я сочла своим долгом проинформировать Вас, поскольку у ее родных сейчас, как Вы понимаете, много иных забот.

С другой стороны, я была бы очень признательна за возможность прочесть статью, над которой она работала, если Вы сможете прислать мне ее. Как нам показалось, Шарлотта очень ею гордилась…

С уважением…

От кого: fnaquet@objectifeconomie.com

Кому: emagiry@yahoo.fr

Нет слов передать, как я опечален этой утратой. Позволю себе принести самые искренние соболезнования и поблагодарить за то, что Вы проинформировали меня. К сожалению, Шарлотта, для которой, судя по всему, эта статья, как Вы верно заметили, имела очень большое значение, не успела прислать ее. Однако мне известно, насколько важным было для нее это дело, детали которого она отказалась раскрывать, пока не соберет необходимую информацию. Но Вы наверняка найдете среди ее документов относящееся к нему досье “Да Винчи”. По всей вероятности, речь шла о широкомасштабном проекте приватизации.

С уважением…

Плейлист:

Дженис Джоплин – Cry Baby

Elastica – Stutter

Pixies – Gigantic

Глава 2

Обед и герцогиня

Рассеянно разглядывая однообразно серый пригородный пейзаж, проплывающий за окном, Фред пришел к расплывчатому выводу, что он ни счастлив, ни несчастен. Впрочем, такой итог показался ему более чем уместным. Что за всеобщая мания делить все на черное и белое или характеризовать посредством противопоставления! С его точки зрения, это явное извращение. За грязным стеклом вагона все коттед-жи выглядели одинаковыми. Лихорадочная потребность оценивать вещи, людей, ситуации в понятиях позитивного и негативного, два кило одного, пять другого, три преимущества против двух недостатков. Пусть такое однозначное деление на хорошее и плохое необходимо с методологической точки зрения – оно тем не менее неизбежно обедняет мысль. А препятствием для интеграции Фреда в большое человеческое сообщество как раз и послужила такая дихотомия, самая модная, назойливая, от которой не отмахнешься: противопоставление успех/неудача.

Подавляющее большинство из тех, кто составлял его окружение – от членов семьи до первой школьной учительницы, – были уверены, что после череды блестящих успехов Фред окончательно и бесповоротно вырулил на полосу поражений, однако сам он полагал, что провал предполагает для начала хоть какие-то попытки чего-либо добиться. Тот факт, что ему были даны все средства, чтобы “преуспеть”, а он осознанно выбрал “проигрыш”, считался возмутительным и превращал его в парию. Фреда по-прежнему удивляло, почему никому не приходит в голову, что это недоразумение, возможно, является следствием самого их определения успеха. Для всех “преуспеть” (в

жизни в данном случае), похоже, предполагало быть “лучше” других, превзойти их. Для Фреда же “преуспеть в жизни”, то есть просто быть удовлетворенным ею, означало жить как все и ничем не отличаться. Поезд замедлил ход и остановился на пустынной станции. В вагон вошел старик африканец с загадочными пластиковыми пакетами. Он сел напротив Фреда, который тут же снял ноги со скамьи, повернулся к окну и сделал вид, что погружен в созерцание пейзажа.

Любопытный парадокс: желание быть как все делало его маргиналом. Об это противоречие Фред спотыкался ежедневно. Да, конечно, он признавал, что у него есть некоторые основания быть удовлетворенным жизнью. Сейчас он имел целых две почти равноценные составляющие удовлетворенности. Ему посчастливилось их созерцать не далее как сегодня утром, когда абсолютно голая Алексия прошагала по его гостиной. Вида ее роскошных сисек было достаточно, чтобы он позабыл обо всех сложностях повседневного бытия. Эта цветущая плоть – розовая, нежная, упругая, эти огромные, гордо торчащие шары спокойно покачивались туда-сюда, и Фред мог сравнить их разве что с северным сиянием. С фейерверком – сексуальным. С альфой и омегой своей жизни. С евхаристией своей души. Однако в последние несколько дней Алексию вроде как слегка раздражали лирические излияния Фреда по поводу ее молочных желез. Она даже прервала его лапание, объяснив:

– Фред, это всего лишь грудь. Может, тебе будет проще, если ты отнесешься к ней как к жировым складкам.

Когда он пытался по мере сил скрыть нетерпение, раздевая ее, для него, понятное дело, самым важным было, чтобы она поскорее оказалась голой. Однако не столько чтобы трахнуть ее, сколько из чистого удовольствия наблюдать, как поднимается занавес и начинается представление. Тем не менее в его глазах щедрая грудь Алексии не была ее единственным козырем. Он априори полагал, что юный возраст помешает ей слишком строго судить социальное и экономическое фиаско его жизни.

Старый африканец рылся в своих пакетах, а Фред старался разобраться, что эта девушка, эта юная девушка, пробудила в нем. Одно неоспоримо: до сего момента ни одна женщина не приводила его в такое состояние. Он просто помешался на ней. Но если задуматься, он был скорее заворожен, чем влюблен. Очарован доступом к этому роскошному телу, возможностью разглядывать его, когда она занималась своими делами, причастностью к личной жизни высшей

расы человеческих существ, каковой является сверхзакрытая каста суперкрасавиц. Сам факт, что она разрешает Фреду спать с ней, – чистое чудо. Или полное недоразумение. Те два месяца, что они вместе, стали для Фреда полосой оргазмов невообразимой мощи. Она не делала его счастливым – она просто была его счастьем. Вопреки озадаченным взглядам окружающих. Для него оставалось загадкой, почему люди реагируют так насмешливо: ведь между ними нет и десятка лет разницы – так в чем проблема? Или же в восприятии знакомых он достиг такого уровня маргинальности, что теперь обречен на постоянные подозрения в порочности?

Если вернуться к Алексии, Фред даже не догадывался, что могла в нем найти эта богиня эротики. Но, честно говоря, рассчитывал воспользоваться своим везением до конца. А оно вроде не собиралось заканчиваться. Он оставил себе несколько дней от отпуска, чтобы отвезти ее на каникулы в Бретань. Поначалу она сдержанно отнеслась к этой идее, потому что участвовала в студенческих манифестациях против проекта университетской автономии и хотела остаться в Париже, занимаясь их подготовкой. Что может быть сексуальнее молоденькой манифестантки, думал Фред. Но в итоге она согласилась. Там он сможет наслаждаться видом ее голой груди все три дня нон-стоп, ему останется лишь надеяться, что ей не часто захочется на прогулки. К тому же, пришел к выводу Фред, нескромно, но безрезультатно пытаясь заглянуть в стоящие у его ног пластиковые пакеты, людей, с которыми он общается, не так уж много, поэтому их озадаченные взгляды не слишком напрягают. По сути дела, его ближайшие друзья – это его сокланы, партнеры по видеоигре, а им наплевать с высокой колокольни на Фредову личную жизнь. Все хорошо, пока Антуан не в курсе, но такое положение долго не продлится – на этот счет у Фреда иллюзий не было. Они не виделись с похорон, и он надеялся, что старший брат не заговорит об истории с футболкой In Utero во время семейного обеда, хотя у того имелась неприятная привычка обо всем доносить родителям. Однако Фред уже давно решил, что не будет обижаться на брата за его наезды. Он понимал, как трудно ему приходилось все эти годы, когда он был вынужден выслушивать вечные восторги родителей по поводу непревзойденного ума Фреда. Кульминация пытки пришлась на выпускной класс – тогда они достигли точки невозврата: Антуан провалил экзамен на бакалавра, а его паршивец брат легко перепрыгнул через две ступеньки, и оба оказались на одном уровне, несмотря на трехлетнюю разницу в возрасте. Внешне Антуан не проявлял свои чувства, он сделал над собой усилие, постарался, чтобы Фреда приняли в его компанию, и даже иногда, от случая к случаю, поверял ему свои с Эмой сердечные тайны. Тем не менее, по прошествии времени, стало ясно, что этот год бесповоротно разрушил остатки братских уз, которые и так уже изрядно ослабли. Фред жалел, что Антуану

невдомек, до какой степени ему наплевать на все свои достижения. Напротив, он бы отдал полжизни за то, чтобы стать таким же крутым и популярным, как брат. Но когда у него в этом смысле что-то получилось (причем какой ценой!), Антуан уже не общался с крутыми парнями, ему нужно было добиваться жизненного успеха. Братьям никак не удавалось совпасть по фазе.

Фред все еще краснел, вспоминая свою футболку. Ситуацию усугубляло то, что его смущение заметила Эма – воплощение крутизны. Почему он никогда не попадает в ожидания окружающих? Или, скорее, почему все эти условности так важны?

Он убавил звук своего плеера. У него устали уши. А ведь это была рок-группа, созданная Алексией и ее подругами по факультету. Она называлась Parisiennes Not in Love[3 - Невлюбленные парижанки (франц., англ.).], потому что, да, Алексия не только участвовала в студенческих демонстрациях, но и выходила на сцену раз в месяц на концертах, которые устраивались в каких-то обшарпанных подвалах. Фред был вынужден признать, что их вопли не очень его впечатляют. Вздохнув, он спросил себя: может, я просто старый хрен, маскирующий свою похоть потоком поэтических слов. Он мог часами импровизировать, сочиняя блазоны, возносящие хвалу молочным железам, но это не значило, что вся его теперешняя жизнь сводится к единственной цели – кончить на грудь девятнадцатилетней девчонки.

Когда он выходил из поезда на вокзале Сен-Лазар, ему пришло в голову, что для социальных отношений, пожалуй, хорошо, что люди не наделены даром читать чужие мысли. Иначе он завершил бы жизненный путь на костре.

Каждое воскресенье Антуан и Фред по очереди приезжали в гости к родителям. За исключением первого воскресенья месяца, когда они встречались все вчетвером. Вчетвером, потому что последние два года жена Антуана явно уклонялась от выполнения тягостных обязанностей невестки.

Семейный обед проходил в точности как предполагалось, то есть как всегда, иными словами, оборачивался длинной цепочкой унижений для Фреда. К счастью, он был напрочь лишен самолюбия. И как обычно, все началось с тщетной попытки матери успокоиться насчет перспектив на будущее младшего сына. Того самого младшего сына, который, как она напоминала при любой

возможности, сдал экзамен на бакалавра в шестнадцать лет, причем с лучшими баллами в стране, благодаря чему удостоился репортажа в теленовостях. Еще даже до того, как поступил в Высшую политехническую школу. Отец, напротив, предпочитал забыть, какое блестящее будущее ожидало сына, поскольку ему слишком трудно было смириться с сегодняшней реальностью. А в этой реальности Фред был секретарем на строительном предприятии. Сам он на вопросы о карьере обычно ограничивался ответом, что работает временно. И в отличие от родителей, для которых это не являлось профессией – в особенности если ты когда-то был самым блестящим бакалавром Франции, – большинство удовлетворялось таким ответом. Он не стыдился своего секретарства. Но само название должности – секретарь – всегда провоцировало не вполне однозначное толкование. Мужчина-секретарь мог быть только и исключительно секретарем ООН. Кстати, отец Фреда иногда проявлял слабость и не развеивал заблуждения собеседника. “Мой сын? Он секретарь. Где? Ты даже не представляешь…” Но в целом отец вел себя так, как если бы он принял к сведению абсурдное решение своего младшего сына и ухитрялся считать Фреда абсолютно нормальной особью. За исключением моментов, когда мучительная тема шахматных турниров в очередной раз заставляла его страдать.

К счастью, в это воскресенье он был слишком увлечен проклятиями в адрес молодого коллеги, уведшего у него “Точку с запятой”, передачу о культуре, безжалостно навязывавшую его телезрителям на протяжении двадцати лет.

– Если все дело в интервью с Даниэлем Отёем, я бы взял его. Ты видел передачу, Антуан?

Антуан открывал вино и ответил, не потрудившись оторвать глаза от бутылки:

– Нет. У меня сейчас много работы. К тому же я перестал смотреть ее, когда ты ушел из ведущих.

– Э-э-э-э… Осторожно, ты это делаешь через одно место. Так ты раскрошишь пробку, а не откроешь. А ты, Фред?

– Не раскрошу. А Фред и раньше не смотрел ее.

Мать только что опять села за стол, поставив посредине блюдо с утиной грудкой под медовым соусом, заказанной в кулинарии.

– Антуан, передай мне тарелку отца и перестань цепляться к брату.

Фред протянул свою тарелку.

– Нет, мама, он прав. Не знаю почему, но мне никогда не удавалось заинтересоваться этой передачей. Наверное, ты нас слишком часто заставляла смотреть папу, когда мы были маленькими.

– Спасибо, приятно слышать. Если она надоела даже моим сыновьям, правильно, что меня отстранили.

Мать положила кусок утки на свою тарелку и повернулась к Фреду, окинув его хитрым взглядом, не сулившим ничего хорошего.

– Знаешь, мой дорогой, ты отлично выглядишь…

Учуяв ловушку, Фред ограничился невнятным “все отлично”, за что получил от Антуана резкое замечание по поводу его неумения четко произносить слова.

– Оставь в покое брата, – еще раз одернула его мать, после чего повернулась к Фреду со своей знаменитой обольстительной улыбкой, от которой замирало сердце у всей Франции в те времена, когда она была звездным диктором телевидения. – Меня не удивляет, что у тебя все отлично, принимая во внимание очаровательную молодую женщину, которую я на днях встретила на лестнице.

Фред заподозрил, что еще немного, и она блудливо подмигнет ему. Он бы не удивился, даже упомяни она северное сияние бюста Алексии. По всей видимости, для матери его молчание послужило приглашением к развитию темы.

– Да, да. Я встретила ее в прошлое воскресенье, когда приносила тебе чистое белье. Совершенно очаровательная. Как ее зовут?

Со стороны Антуана донесся стук брошенного прибора.

– Мама? Можешь повторить то, что ты сейчас сказала?

Фред решил последовать примеру матери, которая царственно проигнорировала вмешательство старшего сына.

– Ее зовут Алексия.

– Ты хочешь сказать, что продолжаешь стирать ему белье?

– А чем она занимается?

– Но… – Казалось, еще немного, и Антуан подавится от ярости. – Папа, тебя это не шокирует?

– Послушай, если это доставляет твоей матери удовольствие…

– Она из универа.

– Слушай, Фред, ты что, не можешь купить стиральную машину? Слишком буржуазно, по-твоему?

– Да-а-а?! Она преподает?

– Нет.

– Нормально. Продолжайте делать вид, будто меня не слышите. В один прекрасный день ты будешь кусать локти, мама.

– Значит, ведет семинары?

– Нет, – вздохнул Фред. – Она посещает лекции.

– В аспирантуре?

– Тоже нет. Она на втором курсе.

Антуан неожиданно заинтересовался разговором. Он наклонился к Фреду, в его глазах зажегся инквизиторский огонь, и он спросил:

– Сколько же ей лет?

– Девятнадцать.

– Вот это да! – Антуан воздел руки к небу, после чего уселся поудобнее на стуле. Он буквально излучал ликование, глядя на перепуганное лицо матери. – Ты видишь? И тебя это удивляет? Ты все еще стираешь ему белье, так чего же ты ожидала? Что у него будет нормальная сексуальная жизнь?

Если мать и позволила себе на секунду растеряться, она тут же вернула контроль над ситуацией.

– Слушай, в его возрасте девушки зачастую гораздо более зрелые, чем юноши.

– В его возрасте?! Но ему двадцать восемь, мама!

Предвидя оборот, который сейчас неминуемо примет разговор, Фред решил храбро потерять к нему интерес и сосредоточиться на утке с медом.

– Да, но он всегда был моложе своего возраста. Я имею в виду, эмоционально, конечно. Не интеллектуально.

– Не правда ли, ангел мой? – обратилась она к Фреду, положив ладонь ему на руку.

Фред пробормотал ответ, который в любом случае никого не интересовал. Пришла очередь отца высказать свое мнение.

– Вот-вот, если бы он продолжал участвовать в соревнованиях по шахматам, это бы закалило его.

– Ради бога, – вздохнул Антуан, – не начинайте с этими вашими гребаными шахматами.

– А как же?! Если бы твоя мать не упросила меня позволить Фреду покончить с шахматными турнирами, он стал бы чемпионом мира среди юношей.

Фред не очень любил утиную грудку с медом. При прочих равных он предпочитал утиную ножку.

– Послушай, Виктор. Тебе не хуже меня известно, что он не мог продолжать. Остальные дети его боялись. Никто больше не хотел играть с ним. Даже его тренер.

Фред помнил свои последние соревнования. У него была встреча с юным японцем, но через три хода парнишка разрыдался и убежал.

– Хватит уже мусолить эту историю с шахматами. Из-за нее вы каждый раз ругаетесь.

– Ты прав, мой дорогой. Извини своего отца, он слишком упрям. Лучше расскажите, как прошли похороны вашей покойной подруги?

Фред бросил на брата умоляющий взгляд.

– Хорошо. Фред, как обычно, опоздал в церковь.

– Это такое потрясение для родителей… Они наверняка винят себя за то, что не замечали ее страданий.

Фред доел свою порцию и решил, что эта тема идеально подходит для того, чтобы уйти от обсуждения его личной жизни.

– Это как раз и странно. Знаешь, она не была какой-то особенно депрессивной.

– Да неужели? – взвился Антуан. – И откуда тебе это известно? Она делилась с тобой своими тайнами?

– Нет, но мы довольно долго проговорили на вечеринке Курта, и я тебя уверяю, она вовсе не выглядела удрученной.

Антуан подлил в бокал вина и только после этого ответил:

– Прекрати… Она была очень подавленной в последнее время. Ей было плохо. Это проблема всех руководителей, но тебе, естественно, не понять, каким стрессам подвержены люди на ответственных должностях. – Он сделал глоток вина и продолжил: – И потом, ты что же, всерьез полагаешь, будто она стала бы поверять тебе свои горести? Мне вообще кажется, что ты разговаривал в основном с Эмой…

– Ох… Эма… – просиял отец.

Все трое с удивлением посмотрели на него.

– Почему у вас такие лица? Она была… какой-то свежей, живой, разве нет? Что она делает теперь, после… после нападения?

– Ничего, – резко оборвал его Антуан, вертя в руках нож. – Она вбила себе в голову, что ей следует задавать всем вопросы по поводу Шарлотты.

– Вовсе не ничего! Эма – журналистка, работает в “Суар”.

Антуан наставил нож на Фреда.

– Послушай, братишка, не советую тебе общаться с ней. Ты слишком внушаемый. Я очень люблю Эму, но у нее не все в порядке с головой. По моему мнению, эта история с нападением ее окончательно сломала. Достаточно вспомнить, как она себя вела на похоронах. То рыдала, то через секунду впадала в ярость. Она абсолютно неуравновешенная и существует внутри своего замкнутого мира, вдали от действительности. Однако… если вдуматься, зря я удивляюсь тому, что вы хорошо понимаете друг друга. Не слушай ее идиотских теорий насчет Шарлотты, просто не встречайся с ней, иначе на тебя свалятся проблемы. Я знаю, что выступаю сейчас как настоящий зануда, но, согласись, уж я-то хорошо ее знаю.

Этим вечером, положив голову на валик дивана, Фред мог вдоволь любоваться профилем Алексии, склонившейся над компьютером. Пока она в тридцатый раз просматривала свой Фейсбук, проверяла статистику страницы Parisiennes Not in Love на Майспейсе и отвечала на сообщения фанатов, Фред прилагал

титанические усилия, чтобы оторвать взгляд от ее груди, виднеющейся из-под майки.

Он сделал попытку завязать разговор:

– Я сегодня встречался с братом.

К его огромному удивлению, она кивнула.

– Он убежден, что Шарлотта, ну, ты знаешь, наша лицейская подруга, которой не стало, была очень подавлена. Но у меня сложилось совсем другое впечатление. И чем больше я размышляю, тем больше соглашаюсь с Эмой.

На лице Алексии проступило подобие нежной улыбки.

– По-твоему, я зря так переживаю?

Она расхохоталась. Фред сначала тупо последовал ее примеру, а потом спросил:

– Слушай, а над чем ты смеешься?

– Да ни над чем. – Она захлебывалась от смеха. – Просто один фанат Parisiennes прислал мне такие дурацкие видео! Он ужасно прикольный!

– Фанат… так ты его знаешь?

– Ну, мы же френды. И потом, он бывает на концертах.

– А-а-а… Так вот, что касается Шарлотты…

Она наконец-то повернулась к нему, ее щеки порозовели от удовольствия.

– А это кто?

– Ладно. Проехали.

– Ага, знаю! Твоя лицейская подруга… Ну да, все это как-то мутно выглядит. Поговори еще раз с… э-э-э-э… Эмой. Так ее зовут? Обсудите, что можно сделать.

– Да ты что! И речи быть не может!

– Почему? Ты по-любому ничем не занят. Натуральный ноулайфер. Мог бы хоть раз принести пользу.

Все кончено. Даже девятнадцатилетняя девчонка в состоянии понять, что он никак не строит свою жизнь. Он делал ставку на ее благородство, доброту и сердечность, на ее наивность, и вот она грубо ткнула Фреда носом в его жалкое лузерство. Едва ли не единственное утешение, которое он извлек из этого ужасного разговора: она вроде не сердилась на него из-за недостатка амбиций; к тому же ему удалось хоть чуть-чуть заинтересовать ее тем, что не имеет отношения ни к Майспейсу, ни к Фейсбуку. Возможно даже, что в ее невинном восприятии эта мрачная история с самоубийством посредством огнестрельного оружия источала запах серы и приключений.

Огромный псевдодеревянный письменный стол Фреда стоял у входа на третий этаж одной из башен на Дефанс и был первым препятствием, о которое спотыкался взгляд каждого выходившего из лифта. К столу скотчем был прикреплен закатанный в пластик лист бумаги с номерами вызова сотрудников. На нем также имелись телефон, факс, компьютер, коробка со скрепками (их запас хранился и в закрытом на ключ ящике), три пары ножниц, карандашница с ручками, причем все они хорошо писали, четыре блока стикеров разных цветов (голубой, зеленый, желтый, красный), степлер, пять лотков для почты, поставленных друг на друга в порядке важности документов, а также ежедневники, где фиксировались встречи топ-менеджеров.

Придя на работу утром в понедельник и перебросив куртку через спинку эргономичного кресла, Фред прошел по коридору к кофейному автомату – утром в понедельник Фредовы коллеги всегда собирались там, чтобы пожаловаться друг другу на начинающуюся рабочую неделю, которая наверняка будет не лучше всех предыдущих. Несмотря на то что он говорил то же, что они, в глубине души Фред уважал постоянство рутины. Этим утром он встретил там Кристину, новую ассистентку шефа, и бухгалтера Жильбера. Они бурно обсуждали, есть ли молоко в какао, которое готовит машина, или нет. Фред

проскользнул между ними, чтобы опустить монеты и заказать традиционный капучино. Кристина внимательно присмотрелась к содержимому своего стаканчика, после чего реши-тельно заявила:

– Нет, без вариантов, только вода с растворимым какао. Но это как все в жизни, остается только смириться. – Она тяжко вздохнула, а потом добавила: – Вот жуть какая – всего лишь понедельник, а я уже еле ползаю!

Жильбер непринужденно прислонился к автомату и прихлебывал свой чай с лимоном. Он слышал, что лимон очень хорош для горла, и пил такой чай литрами, однако это ему не помогало. Жильбер страдал несмыканием голосовых связок. В конце любой чуть более длинной фразы он обязательно давал петуха, как подросток, когда ломается голос. Поэтому ему приходилось разбивать все предложения на фрагменты, и создавалось впечатление, будто у него язык заплетается.

– Ты устала… Наверное, ты слишком. Активно веселилась на выходных. От отдыха тоже устаешь, разве нет?

– Да нет! – Она пожала плечами. – Поужинала с друзьями, вот и все. Наверное, я устаю от погоды. Она все меняется и меняется – то светит солнце, то через минуту льет дождь. С ума сойти, ночью было плюс пять, а ведь уже апрель.

– Это да, – согласился Фред. – Было много исследований, доказывающих влияние погоды на настроение. Даже стали продавать лампы, имитирующие солнечное освещение, чтобы бороться с депрессией.

– Правда? Я так и думала, что дело в этом!

Жильбер напрягся.

– Я. В субботу днем. Смотрел документальное кино. О том, что с Гольфстримом все не так. И в ближайшее время лучше не станет.

– Это как?

Заметив обеспокоенный взгляд ассистентки, Жильбер успокаивающе покивал. Потом сделал глоток чая и продолжил:

– Это из-за Гольфстрима. Все из-за него. Немного сложно. Объяснить тебе, но. Запомни, что. Будет становиться все теплее и теплее. Скоро тебе придется надевать. Бикини, чтобы идти на работу.

Фред переминался с ноги на ногу, не зная, стоит ли вмешиваться. Но он не мог допустить распространения такой бредятины.

– Э-э-э… Извини, Жильбер, но я в это не верю. На самом деле климат теплеет из-за парникового эффекта. Поэтому ледники тают и смешиваются с океаном. Это пресная вода. Тогда как Гольфстрим – морское течение, которое движется благодаря соли, содержащейся в Атлантическом океане. Если ее концентрация снизится, Гольфстрим может окончательно остановиться, и в результате наступит не потепление, а похолодание. В этом случае, следовательно, придется надевать не бикини, а шубу. Но ничего страшного… в ближайшее время это все равно не случится.

– Сколько же ты всего знаешь, с ума сойти, – захихикала Кристина и помахала указательным пальцем перед носом Фреда. – Я уже не первый раз это замечаю. Уверена, ты мог бы учиться в серьезном заведении.

Фред смущенно улыбнулся. Чтобы его взяли на работу, он удалил из своего резюме все дипломы. Что, кстати, принесло ему некоторое облегчение.

– Да ладно. Достаточно быть внимательным и иметь хорошую память.

– Нну-нну… – выдавил Жильбер. – Коль мы заговорили о памяти. Не забудь отправить. Факсом последние счета. В пятницу ты этого не сделал.

– Да, я как раз хотел поговорить с тобой до отправки. Я позволил себе заглянуть в них, и там, по-моему, есть ошибка. Дело в том, что, в связи с новыми изменениями в начислении НДС, счета надо выставлять по-другому.

Не успел он закончить фразу, как с ужасом увидел, что лицо Жильбера исказила гримаса боли, за которой последовал вопль, достойный напуганного индюка.

– Ты это делаешь специально! – заорал он визгливым голосом.

Жильбер изо всех сил смял стаканчик в кулаке и с яростью швырнул его в урну, после чего удалился едва не бегом.

Фреду пришло в голову, что изменение климата действительно влечет за собой самые неожиданные последствия.

Он поставил капучино на стол и, как обычно, почувствовал удовольствие от возвращения в стабильное, постоянное, неизменное окружение. На самом деле у Фреда на выполнение всей его работы уходило три часа. Еще нужно было несколько раз позвонить или ответить на звонки, но все равно оставалось, таким образом, почти пять часов, чтобы потихоньку читать или вести поиски в интернете. Той зимой он употребил свободное время на совершенствование программы для головоломки. Но сейчас он главным образом играл в сети. Утро было спокойным. Послеобеденное время тянулось медленно, и он смог пройти несколько квестов и собрать достаточно талисманов, чтобы купить волшебный щит, на который нацелился еще несколько недель назад. Было почти пять вечера, и значит, сотрудники вот-вот начнут слоняться по коридору, чтобы убить время. Поэтому он решил отвлечься от игры и проверить почту. Он ждал, пока загрузится страница, как вдруг на его столе возник стаканчик с капучино. Он поднял глаза – напротив него стоял Жильбер с примирительной улыбкой на губах.

– Это мне?

Жильбер утвердительно кивнул:

– Капучино. Все правильно, да?

– Э-э-э… Да, большое спасибо, но не стоило…

Его внимание привлекли два непрочитанных сообщения. Первое было от Алексии.

– Это чтоб извиниться, знаешь. Утром я отвратительно. Вел себя.

– Ерунда… – Фред щелкнул на письмо.

– Ты был прав по поводу счетов. Прости.

Я решила, что как-то не гуд разбежаться по телефону, и предпочла прислать мейл.

– Я завелся, потому что Кристина. Ты знаешь. Она мне очень нравится. Я никому не говорил. Но я влюбился.

Думаю, для тебя это не неожиданность. Мне кажется, я даже не должна объяснять тебе причины разрыва.

– Что? – завопил Фред.

– Ты тоже? Она тебе нравится, да? Правда?

Фред бросил на Жильбера обалдевший взгляд.

– Я знаю. У меня нет шансов. Не смотри на меня так.

– Ой… Погоди, Жильбер, сейчас неудачный момент, у меня срочное задание.

Жильбер поднял голову: в глазах светилось отчаяние, в горле застрял жалобный всхлип.

– Я жалок в твоих глазах. Ведь так, да? Ты злой, Фред. Злой. Нехорошо. Так ко мне относиться.

Он окинул стол яростным взглядом и перед уходом забрал стаканчик с капучино.

Но, знаешь, все было очень ми-ми-ми. Ты прикольный. До скорого. Целую. Алексия.

Фред застыл перед экраном. Он перечитал сообщение несколько раз подряд, но потрясение было таким сильным, что ему не удавалось сосредоточиться. Слова шли одно за другим, но не имели ни малейшего смысла, они сменяли друг друга в абсолютно произвольном порядке, но с постоянным повторением “не гуд, разбежаться, по телефону, мейл, ми-ми-ми, прикольный, скорого, целую”. Два позитивных слова, два негативных – с точки зрения математики, они взаимно уничтожаются. Он знал, что, читая мейл в первый раз, понял, что она от него уходит, но само послание было слишком милым, чтобы сообщать о разрыве. В конце концов до него дошло. Это ошибка. Или письмо не от нее, или адресовано не ему. Но когда он проверил отправителя и получателя, сомнения развеялись. Его бросили. После десятиминутного беззвучного перечисления всех полагающихся общих мест (это невозможно, как она может так поступить со мной, почему она мне ничего не сказала вчера и т. д.), Фред зациклился на неразрешимом вопросе “почему?”. Почему она ушла именно сейчас? Должно было произойти что-то, чего он не заметил. Наверное, он сказал или сделал что-то не то. Вроде она намекает на нечто конкретное, но на что… Нечто очевидное…

Он был совершенно ошарашен, но в его сознании сначала слабо, а потом все явственнее проступала уверенность в собственном полном ничтожестве. Словно бы прорвалась пелена и за ней проступила истина: ему не суждена даже крохотная капелька благополучия и душевного комфорта, нежности и счастья. Он по определению приговорен терпеть и мучиться, причем терпеть и мучиться в одиночестве. Фреду кое-что вспомнилось. Они возвращались с родителями из загородного дома. Ему было, наверное, лет восемь. Их машина мчалась по автостраде на полной скорости, и тут он заметил на обочине потерявшегося лабрадора. Вот-вот, осенило Фреда, я совсем как тот лабрадор – я уже не в машине и обречен бесцельно шататься по обочине. В одиночестве.

Он собрался выключить компьютер, но тут заметил еще одно сообщение и машинально кликнул на него. От Эмы.

Я кой-чего узнала насчет Шарлотты. Объясню потом. Я знаю, твой принцип “я ничего в жизни не делаю, особенно ничего полезного” не позволяет тебе выручить меня, но сегодня мне необходима помощь, и срочная. Можешь встретиться со мной в 19 ч. возле дома Шарлотты и Тюфяка?

Появление стороннего персонажа посреди накрывшего его маразма вернуло Фреду способность соображать. С точки зрения Фреда, никогда не получавшего личных писем, совпадение по времени этих двух мейлов никак не могло быть делом случая. Они вдруг предстали перед ним связанными между собой, словно две части одной шифровки. Он начал размышлять, почему Алексия его бросила. И как раз тогда, когда он смирился с тем, что ничего не понимает, Эма прислала ему ответ. Неожиданно вернулось воспоминание о вчерашнем вечере. Алексия сидит за компьютером, пытается убедить его помочь Эме и произносит: “Ты же ничем не занят”. Это единственное, что Алексия когда-либо сказала ему о нем самом. Как ни крути. Ему даже показалось, будто он припомнил: она тоже употребила слово “полезный” – как Эма. Вышло похоже на видеоигру, где нашими действиями управляет программа. И Фред решил эту игру продолжать, позитивно реагируя на события. Значит, придется ответить Эме “да”, никуда не денешься.

Тем же вечером, когда Эма объяснила, чего от него ждет, у Фреда мелькнула мысль, что брат, быть может, не так уж ошибается, ставя под сомнение ее психическое здоровье.

– Слушай, Эма, ты сама-то понимаешь, что это полный бред? Я едва знаком с ним и даже не догадываюсь, что могу ему наплести, он в это никогда не поверит.

По радио Даниэль Балавуан пел о том, что хочет умереть несчастным, но крик его души заглушался визгом кофемашины. У стойки завсегдатаи скандалили, обсуждая возможность реформирования Франции, а очередь к табачному прилавку росла из-за приближающегося джекпота в лотерее. Эма выбрала столик недалеко от окна, в темноватом углу, чтобы неотрывно следить за улицей. Взмахом руки она отмела все Фредовы опасения.

– Займет не больше получаса. Никуда идти не надо. Я никогда тебя ни о чем не просила, а теперь мне нужна крохотная услуга. – Быстрый взгляд в окно… –

Ладно, для него еще слишком рано. Лучше расскажи, как там у тебя с твоей несовершеннолетней подружкой.

Уткнувшись носом в кружку, Фред пробормотал, что все нормально.

– Стой-ка, ты же не хочешь сказать, что малолетка тебя бросила.

Он обалдело уставился на нее:

– С чего ты взяла?

– Не знаю. Или я очень умная, или ты отвратительно врешь. Придется напрячься, чтобы выглядеть убедительно.

– Я же тебе говорил, что не сумею.

Она еще раз небрежно махнула рукой, а потом наклонилась к нему через стол:

– Что произошло?

– Не знаю. Она только что прислала мне сообщение, там написано, что все кончено.

– И никаких объяснений? Ничего-ничего?

– Нет, но… Я вот думаю, может, дело в том, что она считает, будто я ничего не делаю.

– Оригинально… – усмехнулась Эма и нахмурилась. – Значит, ты поэтому согласился прийти, да? Но не важно. Ты-то как? Более-менее?

– Ну-у-у. Не хочется говорить об этом. Чувствую себя жалким. Скучаю по ней.

Эма резко поднялась, направилась к стойке, что-то сказала бармену и вернулась с двумя стаканами. Фред с подозрением понюхал тот, что она ему протянула.

– Это водка? Не могу, слишком крепко для меня.

– Да ну? Что же ты пьешь, когда тебя бросают? Большую порцию несквика? Ладно тебе! Давай чокнемся!

Фред сделал глоток, и дурнота тут же подкатила к горлу. Он посмотрел на Эму, которая опять наблюдала за улицей, прихлебывая водку.

– А у тебя что? Продолжаешь менять мужиков?

Она поглядела на него без всякого выражения и вытащила из кармана пластинку никоретте.

– Сейчас нет. Но скоро начну. Знаешь, я недавно завела нечто вроде постоянных отношений, и меня это не устраивает. Проблема в том, что он с моей работы. Это усложняет дело. Сам Блестер – чудо. К тому же он так же помешан на сексе, как я… Мне кажется… Мне кажется, что нам на самом деле хорошо. В общем, полная хрень.

– Э-э-э… И ты хочешь расстаться?

– Нет, но… Я не предполагала, что это затянется, скажем так. История длится уже четыре месяца, и я по опыту знаю, что скоро ситуация станет неуправляемой. Кроме того, в “Скандале” появился новый бармен, ну и… – Эма на секунду остановилась, пристально посмотрела на Фреда, а потом объяснила: – Это такой клуб с классной тусовкой. Короче, я бы с удовольствием замутила с ним. Не отходя от стойки.

Фред почувствовал, что водка ударила в голову.

– И ты полагаешь, что именно из-за того… ну, ты понимаешь… именно из-за того ты так реагируешь?

В ее взгляде, обращенном к Фреду, промелькнуло некоторое удивление, а потом взгляд застыл.

– Изнасилование, Фред. Это называется изнасилованием. И нет тут никакой связи. Не нужно объяснять этим все мои поступки, слишком будет просто. Я всего лишь хочу побыть эгоисткой. Не хочу запираться в четырех стенах и решать за двоих. Хочу для начала существовать для самой себя, а не только в глазах кого-то другого. И никакой разницы, парень это будет или девушка. Чтоб уж быть до конца честной, самое очевидное следствие этого изнасилования для моей жизни заключается в том, что я сейчас сижу здесь.

На лице Фреда отразилось недоумение.

– Иначе я бы никогда так серьезно не поссорилась с Шарлоттой. Мы бы, конечно, отдалились, но не разошлись окончательно. И я бы, соответственно, не мучилась сейчас, пытаясь разобраться, что случилось с моей лучшей подругой.

– Не мое дело, но я так и не смог объяснить себе, почему вы не пришли к общему мнению насчет изнасилования…

– Разногласия у нас возникли не из-за изнасилования. Дело в моей реакции на него. Она была в ужасе от того, что я рассказываю об этом всем подряд, и продолжаю носить мини-юбку, и не отказываюсь от сексуальной жизни. Она считала, что это безнравственно. А поскольку мы всегда всем делились друг с другом, она выложила мне все, что по этому поводу думает. Она бы предпочла, чтобы я впала в депрессию и начала ходить в паранджe. Она наговорила мне много жестоких вещей, а я не смогла ей этого простить. Я утверждала, что моя жизнь не сломалась, но это отнюдь не означало, что мне было легко все пережить. И вот этого она не поняла.

– А теперь? Ты ей простила?

– Да. Когда я об этом не думаю… Минутку! – Она приложила ладони к стеклу, чтобы не мешало отражение. – Кажется, он идет! Давай, Фред! Беги! И помни, ты должен задержать его на полчаса!

Вставая, Фред покачнулся, и Эма звучно хлопнула его по спине, чтобы он распрямился. Он натянул куртку и покинул кафе, недоумевая, зачем он это делает. Он прошел по улице несколько метров и оказался лицом к лицу с Тюфяком. Тот узнал его и немного удивился.

– Э-э-э… Это я.

– А-а-а, добрый вечер, Фред. Вот так неожиданность. Что ты здесь делаешь? Работаешь где-то рядом?

– Нет. Но я хотел бы с тобой поговорить.

Тюфяк кивнул, и от этого движения заколебались его щеки, уже начавшие отвисать. Фред откашлялся.

– Можем где-нибудь присесть?

– Да… Это серьезно?

– Вовсе нет.

– Хочешь подняться ко мне?

– Нет!!! Как тебе объяснить, ну-у-у… я не в состоянии идти к Шарлотте. Можем посидеть в кафе напротив.

Тюфяк последовал за ним без особых возраже-ний. Пока все шло хорошо, но что он будет делать дальше? Что он ему расскажет? Он дал себе двадцать шагов на то, чтобы ухватить какую-нибудь гениальную идею. Перед тем как войти в кафе, убедился, что Эма уже ушла. Настало время проверить, такой ли он умный. Но водка, казалось, напрочь вымыла из его мозгов какие бы то ни было креативные способности. Поэтому он молчал, пока они устраивались за тем же столиком, из-за которого Фред только что встал. На этот раз он выбрал место у окна, чтобы, в свою очередь, наблюдать за улицей. Тюфяк не снял пальто, и это значило, что он не намерен задерживаться. Фред дождался, пока официант, который заговорщически ему улыбнулся, принесет кофе, и только после этого прервал молчание. Пусть минуту-другую, но все же выиграл.

– Ну вот… Поздно ты заканчиваешь работу…

– Да. С работой мне как-то легче. И должен тебе признаться, я устал, так что, если можно, давай покороче… Что у тебя случилось?

Фред снова покашлял и помолчал, перед тем как продолжить.

– Не так-то просто начать.

Сколько времени ему удастся заговаривать Тюфяку зубы?

– Но о чем конкретно ты хотел поговорить?

– Ну… немного обо мне… И немного о тебе тоже… И потом, Шарлотта. Обо всем об этом. Для меня это все серьезно. Я ее давно знал.

Повисло тягостное молчание. Фред старательно избегал смотреть в глаза Тюфяку. Он бросил косой взгляд на окно и одним глотком допил кофе. Улицу быстро пересекали тени. Он различал в стекле отраженный профиль Тюфяка, который машинально помешивал кофе, явно не собираясь его пить.

– Да, знаю. Она тебя очень любила, должен сказать. По моим наблюдениям, она даже жалела, что не удается чаще видеться с тобой.

Это заявление неожиданно растрогало Фреда. Он ощутил подступающие слезы.

– Она была потрясающая.

– Да, – кивнул Тюфяк и постучал ложкой о стенку чашки. – Но что ты хотел обсудить?

Нервный рефлекс заставил Фреда повторить один в один тот же звук постукивающей по чашке ложки.

– А… Да… Тебе известно, что я кое с кем встречался? Этот человек был для меня очень важен. – Он положил ложку и резко поднял голову. – Даже если никто из знакомых, похоже, не одобрял нашей любви.

Тюфяк изумленно посмотрел на него:

– Какое отношение это имеет ко мне?

– М-м-м… У нас появилось нечто общее. Потому что этот человек сегодня ушел от меня. Меня бросили.

– Фред, моя жена умерла. Это совсем другое.

– А вот и нет, я как раз вижу тут точки соприкосновения!

Боже, что я плету, пронеслось в голове у Фреда. Тюфяк покашлял, чтобы прочистить горло, и спросил:

– Извини за прямой вопрос, Фред, но ты что, выпил?

Фред растерялся, Тюфяк застал его врасплох.

– Нет… Хотя вообще-то да. Но просто без этого я не смог бы поговорить с тобой.

– Послушай, я сочувствую тебе по поводу разрыва, но, согласись, мне не до того, чтобы переживать за тебя.

Произнеся это, он взял свой портфель и встал. В порыве отчаяния Фред ухватил его за запястье, чтобы удержать. В полной тишине он проследил глазами за взглядом Тюфяка, скользнувшим к мужской руке на своей ладони. Но только когда Тюфяк опять перевел на него глаза, Фред осознал, что тому пришло в голову. Он резко отдернул руку.

– Эй, это не то, о чем ты подумал.

Тюфяк стоял напротив словно парализованный, явно не желая садиться и не решаясь уйти.

– Я… Я не знаю, что тебе ответить, Фред. Признаюсь, что не очень удивлен. Шарлотта однажды говорила мне, что ей кажется, будто ты… что ты… ну, ты понимаешь…

Фред простонал что-то нечленораздельное.

– Мне очень жаль, – заговорил Тюфяк, на этот раз более уверенно. – Но складывается весьма неловкая ситуация. Я отнюдь не гомофоб. Я знаю, что в вашем сообществе царят иные нравы, но ты должен признать, что выбрал неудачный момент. Я очень тронут твоим… твоим интересом. Я, правда, догадывался о твоей ориентации, но даже не подозревал о твоих чувствах ко мне. Однако я хочу расставить все точки над i: эти чувства не могут быть взаимными. И сейчас, когда у меня траур, по-моему, это просто дурной вкус. Мне очень жаль.

Он положил на стол пятиевровую купюру, едва не похлопал Фреда по плечу, но отдернул руку на полпути и молча удалился.

Фред, вконец ошеломленный, запаниковал. Он обязан срочно предупредить Эму. Фред порылся в кармане куртки, вынул телефон, но тот выскользнул и с грохотом свалился на пол. Из него вылетела не только батарея, но и симка. Дрожащими руками Фред кое-как поставил их на место и нажал на кнопку. Телефон, естественно, не откликнулся. Он рухнул на стул и застыл, обхватив голову руками. Затуманенным взором он наблюдал за капелькой кофе на пластмассовой поверхности столика – в ней отражался неоновый светильник стойки в миниатюре, – и ему захотелось умереть. Только что он подвел Эму, единственного человека, который вроде бы проявлял к нему хоть какой-то интерес. Он пытался устоять, не сломаться окончательно, как-то реагировать, но поражение было слишком очевидным. Нет смысла бороться.

Фред закрыл глаза, чтобы не заплакать.

С уходом Алексии он стал ничем. Он полное дерьмо. И его отвергли второй раз за день. Ситуация становилась унизительной. Все путалось у него в голове. Конечно, это недоразумение, но его только что опять отшили. Даже Тюфяку он не нужен. Он посмотрел на пятиевровую бумажку; я как старая брошенная любовница, мелькнула мысль. Вопреки всему, что ему внушали в детстве, он всегда знал, что его жизнь будет хреновой. Это несправедливо, но обосновано с точки зрения математической логики. Не у всех жизнь складывается удачно, некоторые не могут не изгадить ее. Интересно, отдают ли другие себе отчет в том, что у них поганая жизнь? Но он же ничего особенного не требовал и не просил, и тот факт, что ему отказано даже в самой малости, разжигал в нем чувство несправедливости, повышая и так солидный градус печали. Фреду казалось, что его тоска не имеет ни конца, ни дна, как если бы он попал в другое измерение. В черную дыру, которая заполнена такой плотной массой отчаяния,

что она сразу погасит любой проблеск счастья или удовольствия.

Чья-то рука взъерошила ему волосы, и Фред открыл глаза. Улыбающаяся Эма села напротив.

– Тебе уже говорили, что тайный агент из тебя никакой?

– Как все прошло? Тебе удалось?

– К счастью, я уже ушла из квартиры. Встретила его на лестнице, когда спускалась. Сказала, что приходила к нему, хотела кое за что извиниться. Кое за что, что он видел на похоронах…

– И он тебе поверил?

– Не имею представления. Но ему уж точно не придет в голову, что я рылась у него в квартире, открыв ее украденным дубликатом ключей. Разве что ему есть в чем себя упрекнуть.

– Смогла забрать документы?

Она порылась в сумке, достала флешку и торжествующе помахала ею. Фред улыбнулся и уронил голову на стол.

– Эма, я должен задать тебе один вопрос.

– Да, мой зайчик.

– Тебе когда-нибудь приходило в голову, что я голубой?

Она расхохоталась:

– При том, как ты пялишься на все сиськи подряд? Ну уж нет, ты настоящее воплощение стопроцентного гетеросексуала. А почему ты спрашиваешь?

– Меня только что отшил Тюфяк…

– Мой тебе совет: не покупай этим вечером лотерейные билеты. Сегодня не твой день. Ладно, пошли, расскажешь мне все в другом месте.

Фред покачал головой. Он предпочел бы вернуться домой, но когда Эма спросила его, чем конкретно он намерен заняться в своей “задрипанной норе у такой-то матери”, он не решился признаться, что хотел испытать новый волшебный щит.

Фред не смог бы ответить на вопрос, как он представляет себе то место, куда его поведет Эма. Возможно, это будет подвал, где происходят грязные оргии, или светская вечеринка, или “Скандал” – ночной клуб, о котором он часто слышал. Но ему бы и в голову не пришло, что этим местом окажется жалкий бар в XX округе. Она придержала дверь, на ходу объясняя, что по понедельникам здесь спокойно, но тем лучше, именно это им и нужно. Так и оказалось, в баре было пусто, лишь за одним из столиков сидел низенький мужчина с морщинистым, как высохшее яблоко, лицом. Эма направилась прямиком к стойке и расцеловалась с барменшей и клиенткой, сидевшей на высокой табуретке. Когда эта клиентка обернулась к нему, Фред онемел.

Лицо ее было гладким и светящимся, точно драгоценная жемчужина чистой воды. Ее платье из белого атласа казалось серым по сравнению со снежной белизной ее тела. У нее были рубинового цвета губы, а глаза небесного цвета блестели так, что трудно было определить, чего больше в них: сияния солнца или мерцания звезд. (Мадемуазель де Гиз о Габриэль д’Эстре).

Никогда он не видел такой красоты.

– Ага, вот и знаменитый Фред, – воскликнула она и протянула руку. – Очень приятно, Габриэль д’Эстре.

– Габриэль д’Эстре, как… Габриэль д’Эстре?

– Наконец-то вижу культурного человека!

Барменша вышла из-за стойки, обогнула ее и чмокнула Фреда в щеку:

– Привет, я Алиса. Знаю, это не так стильно. Добро пожаловать к нам, Фред!

Этим вечером, когда он возвращался домой на электричке, новая информация, новые места, лица, услышанные шутки смешивались и поочередно всплывали на поверхность бурлящей, брызжущей эйфорией, переполняя его весельем и радостью. Ощущение новизны и, безусловно, красота Габриэль пьянили Фреда. Он познакомился с новым воплощением Габриэль д’Эстре. Она, конечно, не совсем новое воплощение. Скажем так, прапра-и-т.-д. – внучка, потрясающе похожая на любовницу Генриха IV.

Историческая интерлюдия

Габриэль д’Эстре была фавориткой Генриха IV, от которого родила троих детей. Между ними была, похоже, искренняя любовь, однако поначалу Габриэль вела себя довольно сдержанно, не торопилась предоставлять королю свидетельства своей благосклонности и даже вступала в другие связи. Но подлинной страстью пылал Генрих, очарованный самой красивой дамой столетия, о которой Вольтер писал так: “Д’Эстре ей имя; дарами своими природа без меры ее наградила” (“Генриада”, песнь 9, стихи 165, 166).

Для короля она не была очередной любовницей, он собирался на ней жениться, как только ему удастся получить разрешение на развод с королевой Марго, которая долго отказывалась уступить трон “потаскухе” своего мужа. К несчастью, французы ненавидели красавицу Габриэль, а политики считали более выгодной женитьбу короля на итальянке Марии Медичи, племяннице папы Климента VIII. Этот союз удовлетворил бы католиков, а приданое невесты позволило бы вернуть долги. Поэтому король взял на себя обязательства перед обеими дамами. Он пообещал Габриэль, ожидавшей его четвертого ребенка, жениться на ней. По случаю Страстной недели исповедник короля кюре Бенуа сумел убедить его в том, что целесообразно расстаться с любовницей на несколько дней в угоду католикам, постоянно сомневающимся в искренности обращения Генриха. Габриэль нехотя подчинилась, будучи убеждена, что плетется некая интрига, имеющая целью помешать ее свадьбе с королем.

Они расстались в среду 6 апреля 1599 года. В тот же вечер, в конце ужина у итальянского финансиста Заме, Габриэль попробовала лимон, после чего у нее начались страшные боли в животе, за которыми последовали жесточайшие конвульсии, из-за которых она даже потеряла зрение и слух. Врачи решают ее оперировать, извлекают ребенка “в кусках и клочьях”, то есть по частям, и трижды делают кровопускание, которое отнюдь не улучшает ее состояние. Генриху IV сообщают об этом в пятницу, и он срочно собирается к ней. Некоторые находят такую поспешность нежелательной, и принимается решение объявить королю о смерти фаворитки, которой на самом деле оставалось жить еще часов пятнадцать. Поэтому он не явился к ее смертному одру, и Габриэль покинула этот мир в одиночестве в субботу утром 10 апреля 1599 года. Судороги во время агонии были столь сильными, что шея повернулась под невозможным углом к туловищу, рот перекосился, а тело было до такой степени обезображено, что враги распустили слух, будто ее удавил сам дьявол. “Она стала настолько отвратительной, что на нее нельзя было смотреть без ужаса”, – пишет историк Мезре.

Как только Габриэль почувствовала недомогание, она сразу подумала об отравлении, однако многие историки спорили по этому поводу. Мишле даже обвинил Сюлли, для которого Габриэль, между прочим, добыла должность министра финансов, в том, что ему было известно о заговоре. Это подозрение основано в значительной степени на загадочной фразе, которую он произнес, узнав о смерти несостоявшейся королевы Франции: “Веревка разорвалась”.

Параноидальная атмосфера заговора, в которую на-ша Габриэль д’Эстре была погружена с детства, неминуемо должна была наложить на нее отпечаток, и потому тем вечером в “Бутылке” она первой рискнула назвать вероятной версию убийства Шарлотты, повторив при этом свою культовую фразу: “А что, если веревка разорвалась?”. Ее внутренняя убежденность в отравлении прапрабабки перенеслась на смерть Шарлотты. Высказав вслух то, что каждый из них прокручивал в уме, Габриэль нарушила табу, позволив всем остальным раскрыть наконец карты и продвинуться вперед. Благодаря ее вмешательству более прагматичная Эма получила возможность обратиться к мотиву.

– О’кей, предположим, веревка действительно разорвалась. Но вопрос – почему?

Поскольку их единственной ниточкой являлось досье “Да Винчи”, необходимо было тщательно изу-чить его. У Фреда собственное мнение по данному вопросу

отсутствовало, да он и не испытывал в нем потребности. Разорвана веревка или нет, в любом случае ее больше нет. Он бы предпочел изучать все элементы по мере их поступления, без предубеж-дения.

Вечером Фред сидел, как всегда, уткнувшись в грязное окно электрички, но его взгляд блуждал, а мысли были далеко. Он снова видел перед собой этих трех таких разных женщин – они по очереди излагали ему статьи и заповеди феминистской Хартии, которую писали в шесть рук. Хартия была достаточно гибкой и широкой, чтобы соответствовать всем ситуациям, в которую каждая из них могла попасть. Но значительно больше, чем сам текст, его впечатлила их спонтанная способность согласовывать свои слова и действия. Когда он слушал их смех, видел, как они понимают друг друга с полуслова, ему чудилось, будто в его восприятии этих девушек и, как следствие, в его отношении к ним просматривается нечто от Средневековья. То уважение, которого они требовали, не имело ничего общего с тем, что он себе представлял, когда размышлял о женщинах вообще и о феминистках в частности.

Покинув электричку, он ощутил легкость и даже зашагал по пустынным улицам своего предместья враскачку, словно ковбой. Возможно, жизнь вовсе не такая, как ему казалось. Он догадывался, что возможны и другие варианты, более простые и естественные, далекие от искусственных уловок той социальной игры, от которой он сбежал. Однако все эти восторженные мысли покинули его, стоило Фреду открыть дверь и столкнуться лицом к лицу с пустотой. Не включая свет, он окинул взглядом всю квартиру, потом толкнул дверь в ванную. Полки были пусты. Ни щетки, ни средства для снятия макияжа, ни пижамы – Алексия все унесла еще утром, когда они уходили из дому. Как он ухитрился не заметить? Он торопил ее, полагая, что она еще наводит красоту. На самом же деле она готовилась к разрыву, к побегу, чтобы не нужно было еще раз встречаться с ним. У него ничего не осталось. Ни малейшего следа ее пребывания в его квартире и его жизни. Ни носка, который она могла бы забыть под кроватью. А он, как полный кретин, сделал всего лишь два ее снимка. Отсутствие. Его жилище оставалось таким же, как раньше, но пустым. Он стоял в прихожей, не в силах шевельнуться, неспособный проделать привычные механические действия, перед тем как лечь спать. Тяжесть пустоты парализовала его. По мере того как глаза привыкали к темноте, предметы начинали вырисовываться на мутном темно-сером фоне. Вешалка. Круглый столик с блюдцем, в которое он бросал монеты и ключи. Валяющиеся перед входом в комнату кроссовки. В проеме двери в гостиную он различал подлокотник дивана, угол стола. Он продолжал стоять, так и не сняв куртку, как мудак, посреди всех этих предметов – абсолютно бесполезных и в какой-то мере

враждебных. Утративших свои функции. Для чего все это? Для создания среды обитания, но какой толк в среде обитания, когда ты остаешься в одиночестве, в неком подобии существования? Квартира – словно покинутый актерами театр.

Он все еще стоял в прихожей с ключами в руках, когда какой-то звук заставил его вздрогнуть. Это был шум его собственного дыхания. Быстрого, неровного, стесненного. Он вдруг спросил себя, что Алексия делает сейчас, именно в данный конкретный момент, и этот вопрос заставил его остро почувствовать ту боль, которую он до того лишь глухо ощущал. Пока у него не будет ответа, он продолжит задыхаться. Фред все еще пребывал в некотором подпитии, когда его неожиданно осенила простая идея, как остаться в контакте с ней. В этот час она всегда делала одно и то же. Он вошел в гостиную, снял куртку, положил ноутбук на диван и подключился к интернету. Фред отдавал себе отчет в том, что, даже если он заведет себе аккаунт на Фейсбуке, она никогда не добавит его в друзья. На мгновение он впал в отчаяние, а потом решил попробовать другой ход. Набрал несколько слов, а когда на Майспейсе открылась страница Parisiennes Not in Love, издал вздох, который растопил бы сердце самого черствого человека. Она была в сети. Итак, она, как пай-девочка, сидит перед компьютером. Наверняка курит и накручивает на палец бахрому любимого пледа. Он прочел комментарии, которыми она как раз обменивалась с одним из фанатов – он бы их всех с удовольствием выкинул в окно. Тем не менее ему показалось, что он все же нащупал страховочный канат, и если не выпустит его из рук, то сможет, глядишь, дожить до завтрашнего утра. Спотыкаясь, он побрел за одеялом и устроился на диване, где и намеревался заснуть, глядя на голубоватый свет этой веб-страницы.

Плейлист:

Отис Реддинг и Карла Томас – Tramp

The Zombies – Time of the Season

Stuck in the Sound – Playback A. L.

Глава 3

Работа и секс

Ужасная ночь, в которой, словно раскат грома, прозвучала эта ошеломляющая новость: Лоана[4 - Лоана Петруччани – победительница первого французского телевизионного реалити-шоу Loft Story, певица, стилист и телеведущая. Несколько раз совершала попытки суицида.] покинула нас. Принцесса нашей эпохи переместилась из дня в сумеречную мглу, промчавшись сквозь созвездие наших селебрити с ослепительным блеском звезды.

Эма сняла руки с клавиатуры, уселась поглубже в кресле и с некоторым удовлетворением задала себе вопрос, удалось ли ей взлететь до предельных высот тошнотворного пафоса. Все-таки она, пожалуй, достигла вершины, и этот текст свергнет с трона Боссюэ с его посвященной Генриетте надгробной речью, которая вошла в школьные учебники. Задание: изучите эффект, создаваемый сменой глагольной формы во фразе “Мадам умирает, Мадам умерла!”.

Из-за проблемы с будильником / убежавшим ко-фе / жутким нежеланием вставать она явилась в редакцию после одиннадцати. Пока Эма шла от входа к своему столу, она чувствовала на себе неодобрительный взгляд главного: он стоял посреди редакционного зала и не отрывал от нее глаз все то время, что она пересекала огромное помещение. Предчувствуя потенциальные неприятности, она сразу же взялась за работу. Когда она отрывалась от монитора, Эма видела три десятка склоненных голов и сгорбленных спин, вздрагивающих в ритме непрекращающегося щелканья клавиш. Офис open space открылся в редакции несколько месяцев назад, и последствия принципа дружественного общения, якобы характеризующего такую организацию рабочего пространства, превзошли по своей извращенности худшие ожидания сотрудников. А эти ожидания и так были близки к апокалипсису.

В самом начале, исполненные сладостной наивности, они полагали, что речь идет всего лишь о системе стимулирования доносов, когда каждый из них будет обязан следить за коллегами. И естественно, были уверены в своей солидарности перед лицом их общей каторги и в том, что эта солидарность никому из них не позволит стать мелким стукачом. Но это объяснялось тем, что они прочли “Надзирать и наказывать” Мишеля Фуко только до середины. Принцип контроля – а речь шла именно о нем – оказался значительно более

продуманным. Он работал в полную силу благодаря чувству унижения, формируемому постоянной слежкой. Даже при общении с коллегами, уважающими друг друга, никому не удавалось справиться с опасением, что тебя все время ловят на прегрешениях. Каждый был виноват по определению и работал, чувствуя, как в брюхе ворочается очередная мелкая порция параноидального страха, беспокойства, неуверенности. Недоверие усиливалось еще и тем, что текст, который ты пишешь, мог прочесть любой коллега, проходящий за твоей спиной. Журналисты украдкой озирались, и страх побеждал даже самых ленивых. Постепенно улыбки становились натянутыми и лицемерными. Таким образом, для совершенствования паноптикона, идеальной тюрьмы Иеремии Бентама, достаточно было просто убрать стены.

Эма встретилась взглядом с редактором отдела политики Мишелем, сидящим через несколько столов от нее: сунув шею в невидимую петлю, он свесил голову набок и высунул язык. Бедняга должен был каждый день отвечать на немыслимый вызов: выдавать по четыре страницы, посвященные политической жизни Франции, тщательно избегая самой политики как таковой. Впрочем, он с этой задачей неплохо справлялся, старательно уходя от любой возможности спровоцировать дискуссию вокруг принимаемых наверху решений и сознательно ограничиваясь комментариями правительственной пресс-службы. Он искусственно стимулировал полемику вокруг “ляпов” (неудачных высказываний, неправильно подобранных деталей одежды) некоторых министров, что позволяло газете демонстрировать некое подобие независимости и объективности. Эма ответила ему сочувственной улыбкой, а потом опять уткнулась в экран монитора.

Она выложила во внутреннюю сеть готовую дань памяти блондинки и во второй раз открыла досье “Да Винчи”. По крайней мере, внешне оно не напоминало “Паука”. Колючие графики, разномастные диаграммы, пирамиды схем и экономический сленг помешают заподозрить ее в игре на рабочем месте. Досье было разделено на две части и содержало все признаки кладезя информации для того, кто, в отличие от Эмы, сумел бы понять хоть что-нибудь. Как написал ей шеф Objectif Economie, речь в нем шла о грандиозной операции по приватизации. Однако главная проблема заключалась в том, что она не нашла указаний на объект предполагаемой приватизации. Или либерализации. Впрочем, ей так и так не удалось уловить разницу между этими двумя процедурами. Из-за витиеватого профессионального жаргона нить терялась задолго до конца очередной фразы. Заново перечитав первую страницу, Эма тяжело вздохнула, заставив вздрогнуть соседа справа. Она жестом извинилась. Оставалось надеяться лишь на мощный интеллект Фреда, который разберется

во всем лучше нее. Она в очередной раз проверила свою почту в надежде увидеть его ответ. Однако кроме спама в виде пары десятков сообщений, убеждавших ее посетить некую вечеринку, которая неминуемо станет выдающимся событием парижской жизни, нашлось только непрочитанное письмо от Блестера.

Закончила статью? Можешь теперь ответить на мой вопрос?

Она повернула голову к дизайнерам, которые сидели в противоположном конце зала. Блестер говорил по телефону, наверняка сражаясь за авторские права на какое-то фото, и одновременно стучал по клавиатуре.

Какой вопрос? Что именно тебя интересует?

Она увидела, как он нажал на клавишу и подпрыгнул на стуле. Потом послал ей веселый взгляд и одновременно покачал головой, реагируя на слова невидимого собеседника. Потом склонился над клавиатурой и набрал несколько слов, после чего откинулся на спинку кресла. Ответ, судя по всему, краткий. Эма обновила почту. Появилось одно непрочитанное сообщение.

Я хочу, чтобы ты признала, что у нас постоянные отношения.

Да, этого парня не обвинишь в тонком психологическом манипулировании. Ответим на лаконичность еще большей лаконичностью. Она ограничилась четырьмя словами:

А я не хочу.

Он приставил к виску воображаемый пистолет.

Ну и зануда!

Блин, блин, блин, подумала она. Прощай эйфория первых дней, начинается проклятый период геморроя-. По логике, хоть у нее и хватит выдержки, чтобы не обращать внимания на всякие стычки, неминуемо наступит момент, когда ей станет смертельно скучно. Как тут не впасть в отчаяние, если один и тот же сценарий повторяется до бесконечности. Долгие годы она смотрела фильмы, читала книги, выслушивала многочисленные истории и всякие рассуждения о хронической неспособности мужчин брать на себя обязательства. Хотела бы она, чтобы кто-то сообщил ей, куда подевались все эти трахальщики, избегающие ответственности. Хотя… Можно задаться вопросом – от чего она не отказывалась, – в какой мере ее собственное нежелание брать на себя ответственность действовало возбуждающе на мужчин, которые в знак протеста стремились надеть на нее наручники. Сосед настойчиво смотрел на нее. Эме понадобилось некоторое время, чтобы заметить, что она стучит пальцами по столу и щелканье ее накрашенных ногтей раздражает коллегу. Но ей надоело извиняться. Она подхватила куртку и покинула редакцию, чтобы покурить. Дверь выходила на маленькую улочку, относительно тихую по сравнению с оживлением, царящим во всем квартале. Единственным источником шума становилась начальная школа напротив, когда там начинались перемены. Одним из развлечений Эмы – возможно совпадающих с периодами овуляции – было выйти и остановиться перед школой в 16.15, чтобы покурить вместе с мамашами, которые в последний раз спокойно выкуривали сигарету перед появлением своих монстров. Но она всегда уходила еще до звонка.

Эма вдохнула большую порцию дыма и выпустила его к небу, задрав голову. На горизонте ни облачка. Идеально чистое небо и наконец-то тепло. Ее одежда была по сезону, а благодаря новым ботинкам она пребывала в уверенности, что способна покорить мир. Это предположение подтвердили прошедшие мимо мусорщики, которые восхищенно засвистели, увидев ее. Получается, что самые простые удовольствия (я ощущаю себя красивой, приятная погода, мне хорошо) зависят от удручающе жалких пустяков (новая обувь, солнце, сигарета). Проклятое общество потребления.

Вместо того чтобы разыгрывать из себя пресыщенную старую деву – что никак не соответствовало ее самоощущению в этот день, – Эма вынуждена была признать, что Блестер не так уж неправ. Не совсем. Пришло время задать себе вопрос: чего она хочет? Она полностью освободила голову от каких бы то ни было мыслей и сосредоточилась на мысках своих новых ботинок. Следуя методике, подсказанной “Духовными упражнениями” Игнатия Лойолы, она в течение сорока секунд нанизывала один на другой вопросы-призывы на тему “чего я хочу?”, пока на ее разум не снизошло просветление и перед ней не засияло единственное слово: “спокойствие”. Она хотела обрести спокойствие. Она не хотела ни жить вместе с Блестером, ни расставаться с ним. Она хотела только, чтобы все оставалось как есть. Но пришедшее озарение ничего не решало, поскольку в нынешней ситуации все и так было примерно как она хотела (когда хотела), а для Блестера ситуация вот-вот станет невыносимой. Почему, стоило ему упомянуть возможность их совместного проживания, она реагировала так, будто он предлагает разводить коз в Крёзе? На самом деле, ей не хотелось это обсуждать. Лучше вскрыть себе вены пилкой для ногтей, чем заиметь постоянный геморрой в виде дискуссий о совместной жизни. В сущности, что такое совместная жизнь? Отказ от многого по добровольному согласию? В настоящий момент ее приоритетами были, во-первых, Стервы и, во-вторых, Шарлотта. А вовсе не мещанский уют в обществе Блестера. Она отшвырнула окурок и убежденно раздавила его каблуком. Ладно, она не продвинулась ни на йоту, зато ощутила определенную легкость.

Вернувшись, она нашла четыре сообщения, но ни одного от Фреда. Первое прислала Алиса.

Только встала. Печень будто выдрали и окунули в лужу бензина. А еще твой парень, который, конечно, не твой парень, прислал мне флаер, который он сделал для вечера DJ Стерв – он супер (флаер)! Он очень талантливый (парень). Я выложу эту штуку в сеть. Надо бы нам сделать блог Стерв на Майспейсе. Знаю, ты скажешь, что мне пора соскочить с социальных сетей. Ты сама как? Справляешься, Холмс?

Эма была согласна, что это полный дебилизм с ее стороны, но не смогла запретить себе погордиться немного этими комплиментами. Еще одна проблема. Не опекать чрезмерно своего парня. Три остальных письма пришли как раз таки от господина дизайнера.

Я, кажется, заболел. У меня болит горло.

Мне скучно. Поделись каким-нибудь приколом.

Если тебе удастся воткнуть слово “ипостась” в свою статью, я плачу за тебя в ресторане сегодня вечером.

Ипостась…. Вроде что-то связанное с христианством… Эма поискала в интернете.

Ипостась (др.-греч. лицо, сущность) – термин, используемый в христианском богословии для обозначения одного из трёх Лиц Триединого Бога: Отца и Сына и Святого Духа. Применялся и в учении Плотина, но в значении, подразумевающем некую сущность (или ее часть), а не личность.

Господи помилуй…. И как воткнуть такое в текст?! Как он это себе представляет?!

Не вижу возможности ответить на твой вызов! С другой стороны, я очень хочу тебя. Может, случайно пересечемся в туалете через 15 минут?

На первый взгляд такое предложение могло показаться нескромным, но в их отношениях оно имело свой смысл. Долгое время Эма и Блестер существовали, старательно игнорируя друг друга. Они встречались в коридоре, вежливо здоровались, но их отношения сводились к своего рода словесным баталиям, к соревнованию в остроумии, снабжающему кислородом тоскливые редакционные летучки. Эма говорила “белое”, Блестер – “черное”. А потом однажды утром она открыла почту и прочла:

Твое новое платье очень красивое. Я не прикалываюсь.

Затем в течение нескольких дней тема “Я тебе делаю комплименты, мы все больше симпатизируем друг другу, мы флиртуем, мы заводимся, мы бросаем друг другу мегаостроумные вызовы типа “слабо похлопать меня по заднице перед собранием?” или “слабо потискать меня после собрания?” развивалась по нарастающей. Сексуальный накал становился все более осязаемым, все это продолжало быть игрой, но провоцировало такую сильную фрустрацию, что Эма жаловалась Стервам: скоро она спятит и реально взорвется, если они не переспят в ближайшее время, и к тому же невозможно нормально работать. Она никогда не испытывала такой ломки, потому что давно уже никто не отказывал ей в сексе так долго. А то, что Блестер не меньше ее самой старался поддерживать напряжение, делало парня еще более притягательным. Все, естественно, могло закончиться бурной ночью на шелковых простынях. Но только если не учитывать невыносимость ситуации. Когда Эма и Блестер в конце концов признались, что это уж слишком, они набросились друг на друга в том самом туалете поздно вечером, во время аврала из-за сдачи номера. И не сразу поняли, хорошо ли им было, потому что в тот раз их подгоняло невыносимое нетерпение. Получилось все неловко и быстро, но у Эмы потом подгибались колени, кружилась голова и в глазах сверкали звезды. Ее проект офисного секса мог бы на этом и завершиться, однако экспресс-перепихон в туалете оказался абсолютно недостаточным, чтобы снять напряжение нескольких недель беспрерывной фрустрации. Возможно, они с самого начала зашли очень далеко, потому что даже занятия сексом не могли утолить эту жгучую жажду. После трех сеансов в сортире, когда Эма недоумевала, как ей удается за пару минут перейти от сочинения статьи к позе на четвереньках у унитаза, Блестер объявил, что никогда не сможет продемонстрировать свои сексуальные таланты на пространстве в три квадратных метра. Тогда он выдвинул особо смелый вызов: “Слабо перепихнуться в постели?” И это неизбежно увлекло их к “Слабо пойти в ресторан, чтобы все обговорить?”, затем постепенно адская спираль стала закручиваться все туже, приведя к “Слабо трахнуться у меня дома после вечера у телика?”. Даже если теперь их отношения сильно напоминали семейную жизнь, а у Эмы исчезло всякое желание ходить на сторону (несмотря на ее громкие заявления по поводу бармена из “Скандала”, которого она на следующей неделе непременно и несомненно снимет), секс оставался для них самым прочным и самым простым цементирующим элементом. В этом вопросе, по крайней мере, они понимали друг друга без слов, легко и быстро, и их ничего не сдерживало, никаких табу для них не существовало.

Вот только на сей раз ответ не совпал с Эминими ожиданиям.

Не хочу больше трахаться в туалете. После этого ты слабее мотивирована на встречу вечером:). Кстати, чтобы быть уверенным, что ты не набросишься на меня в клозете, я перестал писать на службе. Хожу в кафе напротив.

Несмотря на симпатичное подмигивание и милые шуточки, чтобы подсластить пилюлю, отказ очень сильно огорчил Эму. После обработки и перевода в ее мозгу месседж стал звучать так: “Извини, но я не такой грязный развратник, как ты, похотливая сучка, жадная до спермы”. Ее эта трактовка не устраивала, потому что выводила на терзающий вопрос: не является ли ее сексуальное поведение отклонением от нормы? Не извратило ли изнасилование окончательно ее сексуальность?

Именно это наверняка сказала бы Шарлотта, но Эма совершенно искренне была не в состоянии принять некоторые моральные запреты, которые казались ей установленными в высшей степени произвольно. Границы, конечно, необходимы – но главным образом ради удовольствия от их нарушения. Эма полагала, что Блестер разделяет такой взгляд на вещи. По крайней мере, так она считала до сих пор, и ей казалось, что наконец-то она нашла парня, который не ждет от своей девушки, что та будет изображать робеющую девственницу. Парня, с которым можно поиграть и в покорность, и в садо-мазо, не забывая в то же время, что это всего лишь игра и что она не нимфоманка какая-нибудь, способная ради секса отправить на панель собственную бабушку. Блестер не просто следовал за ней во всех эротических фантазиях, но и сам много чего к ним добавлял. Да-да, давай привяжем друг друга, давай будем бить, оскорблять друг друга, превратим постель в поле боя, которое партнеры покидают с синяками, укусами и следами пальцев на шее. Во время своих весьма разнообразных сексуальных практик Эма никогда не чувствовала себя униженной, подчиненной или, наоборот, господствующей. В крайнем случае она изображала скверную девчонку или сексуальную рабыню, которую привязывают, но за пределами постели ее униженное положение никак не проявлялось. Секс был игрой, которую она воспринимала очень всерьез.

И она была безмерно благодарна Блестеру за то, что он никогда не делал попыток интерпретировать ее поведение. Он первый сказал ей, что не способен

анализировать изнасилование. Не может себе представить, что это такое, а еще меньше – угадать, как оно может повлиять в дальнейшем на либидо; во всяком случае, он никогда не пытался выстраивать связь между тем, что с ней произошло, и их сексуальными забавами, которые зачастую отдавали умопомешательством. Он доверял ей, не обращался с ней как с хрупким маленьким созданием и считал, что она уже взрослая девочка, сама знает собственные пределы и сумеет сказать “нет”, если они зайдут слишком далеко. Что она и сделала однажды, когда почувствовала, что отключится, если он еще пять секунд будет сдавливать ей горло. Но возможно, именно в этом и заключалось первое последствие изнасилования? Не удушение само по себе, а неспособность признать, что оно не входит в число общепринятых сексуальных игр. Стирание границ и осознание их относительности.

С другой стороны, Эма не преуменьшала последствий полученной травмы. Да, конечно, она иногда вспоминала об изнасиловании, занимаясь любовью в сортире. Но точно так же она могла вспоминать о нем в метро или перед телевизором. Она всегда думала о нем, но как-то мимолетно. Возникал некий образ, на котором она не фиксировалась, так как не хотела, чтобы он ложился грузом на ее жизнь. Чтобы ее жизнь вертелась вокруг него и сводилась к нему. Изнасилование всегда присутствовало, потому что стало частью ее естества, но она ощущала себя разной и отказывалась признавать, что этот эпизод, каким бы жестоким и мощным он ни был, все предопределил.

Что образует нашу индивидуальность? В Эминых глазах, изнасилование, безусловно, было важной составляющей ответа на этот вопрос, поскольку представляло собой травмирующий фактор. Однако как в этом смысле оценить один из дней 1987 года, когда она шла по школьному двору, крепко держа мешочек с драгоценнейшими стеклянными шариками, и тут ее толкнул взрослый, десятилетний, мальчишка? Все ее волшебные шарики разлетелись в разные стороны, неумолимо отдаляясь от нее, растянувшейся во весь рост в луже и бессильно наблюдающей за тем, как другие дети, словно хищные звери, накинулись на ее сокровище. А когда она встала с разбитой коленкой, в мокром спортивном костюме, никто из товарищей не отдал ей ни одного шарика. Так вот, почему этот день нельзя считать столь же решающим? Для девятилетней девчушки, которой она тогда была, он стал значительно более драматичным, чем один из вечеров 2002 года для молодой женщины, в которую она к тому времени превратилась.

Так она и существовала в своей повседневной жизни, не особо переживая – пока не вспоминала конкретные детали. Однако в те вечера, когда в памяти всплывала какая-то картинка, запах или звук, Эма ломалась. С тех пор она не выносила запах арахиса, который он грыз весь вечер. И еще большие черные ботинки.

Прекрасно отдавая себе отчет в том, что это уже ничего не меняет, она продолжала мучиться вопросом, не могла ли она все же что-то сделать, исхитриться и ударить, попытаться сбросить его, высвободить свое запястье. Не слишком ли быстро она сдалась, признала себя побежденной? До вечера, когда он ее изнасиловал, они вместе трудились в течение месяца. Временная летняя работа. Он был довольно милым, поэтому Эма согласилась зайти к нему выпить. Когда восемь месяцев спустя она решилась обратиться в суд, адвокатесса отговорила ее от этой затеи, объяснив всю бесперспективность иска. Она ведь тогда не прошла гинекологического обследования, не сделала снимков ссадин на шее и ногах, а без этого предъявлять претензии бессмысленно. Из-за этого она тоже злилась на себя. С другой стороны, она знала, что не могла на следующий день явиться в полицию, потому что целые сутки ее непрерывно рвало.

Однако тот внутренний дискомфорт, который в глубине души она называла стыдом, был на самом деле гораздо более сложной эмоцией. Он проделал с ней это с ее разрешения? Потребовалось время, чтобы ответить на этот вопрос утвердительно. Да, вопреки собственной воле, она позволила ему совершить это. Могла бы, по меньшей мере, попытаться выдавить ему пальцем глаз. Подобная возможность существовала, скажем так. Но она этого не сделала, как не делала этого ни одна женщина, попавшая в подобные обстоятельства. Во-первых, потому, что в травмирующей ситуации жертвы впадают в ступор, в паралич. Она перечитала уйму статей на эту тему. Научный факт. Мозг вырабатывает гормоны, которые формируют ощущение физического бессилия, оцепенения, помогая тем самым психике не слететь с катушек. Без этого нервные цепочки могли бы замкнуться и на фиг перегореть. Однако Эма также полагала, что совершить варварские оборонительные действия мешает воспитание, и особенно часто так реагируют женщины, которым с детства вдалбливали, что мужчина всегда сильнее. Их воспитывали жертвами, а не палачами. Поэтому в случае агрессии они ведут себя как беспомощные жертвы.

По Эминому мнению, результат был очевиден: ею воспользовались в качестве примитивного резервуара для спермы. Сточного желоба. Вопреки тому, что она

подозревала сначала, этот тип не был ни серийным убийцей, ни психопатом, ни даже невропатом. А она ведь всерьез поверила, что он ее изнасилует, а потом убьет. Это казалось ей логичным. Если уж одно преступление совершено, почему бы не совершить и второе?! Но нет. Просто потому, что с его точки зрения это не было преступлением и даже наверняка не было изнасилованием. Так, ничего особенного, ерунда. Захотел – взял. Тупо, по закону сильнейшего. Но что он взял, если вдуматься? А ничего. Просто походя что-то изгадил. Эма знала, что у нее нет души, а мозг не ютится в глубинах вагины. Изнасилование было по определению чисто физическим актом, столкновением двух тел. И тем не менее самая глубокая из нанесенных ран, а вовсе не те мелкие ссадины, которые болели все последующие дни, была психической. Парадоксально, но сугубо материальный аспект – превращение жертвы в примитивный объект удовольствия – был способен психологически разрушить ее, поскольку означал, что ее не существует. В потоке абсурдных мыслей, порожденных изнасилованием, часто мелькал вопрос, что было бы, если бы в тот день она была с тампоном. Отстал бы он или вытащил его? Когда они оба оказались на полу, ей все же пришла в голову идея выкрикнуть, что у нее СПИД, однако в ответ он только схватил ее за шею и ударил затылком о плиточный пол. В ту же секунду она поняла, что все кончено. Она даже не заметила, чтобы он пытался прочесть страх на ее лице. Плевал он на ее лицо. Плевал он на нее. Это свалилось на Эму, но с тем же успехом могло свалиться на любую другую женщину. Она сама не имела никакого значения. А потом он поднялся, натянул брюки и не торопясь вернулся в гостиную. Спокойно, как если бы ничего не произошло. И это было едва ли не самым ужасным. Когда ей нужно было встать, забрать свои вещи, пройти мимо него, сидящего на диване в гостиной, и уйти. Уйти, не будучи в состоянии выдавить ни слова. Не сумев объяснить насильнику, что случилось. Отказываясь понимать, как он может сидеть тут, такой безмятежный, если только что искалечил всю ее оставшуюся жизнь.

Эма начала свой третий материал о разрыве двух звезд шоу-бизнеса – “Итак, расстаются два человека, созданные друг для друга, две ипостаси любви”, – когда пришло наконец сообщение от Фреда. Он разобрался в сути досье “Да Винчи” гораздо лучше, чем она, но многие вопросы оставались непроясненными. Документ был разбит на две главные части: отчет о состоянии дел в музеях и меры по совершенствованию их работы. На первом этапе предполагалось стимулировать финансовую автономию всех без исключения музеев. Фред объяснял:

…Это похоже на реформу университетов. Каждый музей будет сам нести ответственность за свое управление и должен самостоятельно обращаться за возможным финансированием в частный сектор. Такая система, безусловно, дает явные преимущества заведениям вроде Лувра, то есть более привлекательным для предпринимателей. Никто не будет вкладываться в твой любимый музей Гюстава Моро (помнишь, у нас была экскурсия в последнем классе?). На нынешней стадии процесса государство еще заменит частный сектор, если музею не удастся заключить ни одного инвестиционного договора. Однако, начиная со второго этапа, оно официально отказывается от своего участия, что в результате приведет к закрытию нерентабельных учреждений. Более того, в дальнейшем тот же принцип может быть распространен на все памятники культуры, а не только на музеи. Например, на Эйфелеву башню или Нотр-Дам – в общем, на все, что представляет какой-либо коммерческий интерес.

В конце имеется приложение более концептуального содержания. В нем описывается идеальный город, который естественно и логично управляется по законам рыночной экономики. Где само собой исчезнет все непродуктивное. И где, согласно догматам экономического либерализма, все коммунальные службы (водоснабжение, сбор мусора и т. п.) будут открыты для свободной конкуренции.

Откинувшись на спинку кресла, Эма размышляла о том, как Фреду удалось вытянуть столько инфы из всей этой зауми. Что ж, теперь они, во всяком случае, знают больше. Но продвинулись ли они в том, что касается Шарлотты? Не хватало перехода, мостика к ней. Продолжая размышлять, Эма машинально просматривала остальные сообщения. Габриэль – она работала в агентстве, которое предоставляло услуги хостес и находилось в нескольких кварталах от Эминой редакции, – только что написала:

У меня закончилось собрание. Буду у японцев через 15 минут. Как насчет совместного обеда?

Эма выключила компьютер, подхватила куртку и быстро смоталась из редакции.

Войдя в ресторан, она сразу увидела мужчину, по виду бизнесмена, который, не отрываясь, созерцал ноги Габриэль. Эти чертовы ноги не помещались под

столом, и ей приходилось ставить их под углом. Рядом с ее длиннющей фигурой столик выглядел как мебель для карлика. Или для Эмы. Нахмурив брови, герцогиня де Бофор изучала меню. Эма бесшумно подошла к ней:

– Кончай притворяться! Все равно закажешь бизнес-ланч B1!

Габриэль улыбнулась и отрицательно покачала головой:

– Я еще не выбрала.

– Ты всегда берешь B1. И всегда садишься за этот крохотный столик в глубине, – добавила Эма, придвигая стул.

Искорка в глазах Габриэль подтвердила ее правоту. Герцогиня питала таинственную слабость к привычкам и ритуалам, но делала вид, будто ей это неизвестно.

– Я в колебаниях между B1 и B3. И только по случайности не села у окна.

Эма бросила на нее насмешливый взгляд, а потом сама углубилась в меню. Через пару минут Габриэль облокотилась о стол, уткнулась подбородком в согнутые ладони и заметила:

– Что-то ты молчаливая.

Официант с блокнотом в руке наблюдал за ними, не зная, пора ли подойти. Эма сделала ему знак, и он почтительно приблизился.

– Здравствуйте. Два бизнес-ланча B1 и графин воды, пожалуйста.

Габриэль одарила его сияющей улыбкой и снова стала серьезной.

– Озабочена?

– Да. Можно и так сказать. Начальник косо на меня смотрит, и я чувствую себя последней ученицей в классе. О Блестере говорить не будем. Он теперь не

только отказывается трахаться в туалете, но и хочет, чтобы мы начали жить вместе. И главное, мы ни на миллиметр не продвинулись с досье “Да Винчи”.

– Сколько проблем! Ты же знаешь, что Хартия Стерв не запрещает совместную жизнь. Наоборот, отнесись к этому как к новому вызову. Ты наконец-то встретила интересного парня, прикольного, милого и к тому же, как и ты, повернутого на сексе. Постарайся являться на работу вовремя по крайней мере пару недель подряд. – Она замолчала, потому что им принесли суп. – Сегодня они по-шустрому обслуживают. Чтобы яснее представить себе, куда ведут возможные следы, нужно регулярно подводить итоги. Что тебе конкретно известно? Что Фред говорит о досье?

Эма сделала глоток горячего супа, хрюкнув при этом, словно перепуганный поросенок, что заставило их обеих хихикнуть.

– Извини. Он говорит, что это план предоставления автономии музеям и он в конце концов может привести к их приватизации. Представляешь себе? Лувр в частной собственности?!

– Похоже на грандиозную аферу. Впечатляет! А какая связь с Шарлоттой?

Эма задумалась.

– Я предполагаю, что она раздобыла досье в своей конторе. Вполне возможно, что для проведения подобной операции министерству требуются консультации соответствующих компаний, типа той, где она работала. Вероятно, ей дали досье, чтобы она высказала свое мнение. А она… А она, вместо того чтобы просто сделать свое дело, связалась с изданием, скорее всего, левого толка, которое специализируется на экономических вопросах, и решила слить им проект.

– Звучит правдоподобно.

– Но у нас ничего нет. Главный редактор Objectif Economie, куда обратилась Шарлотта, ничего не знает. И вряд ли инфа по подобному проекту есть в гугле. Прикинь! Министерство продает очаровательную церковь Н-образной формы площадью пять тысяч квадратных метров в центре Парижа!

– Знаешь, все это не всегда принадлежало государству. Были времена, когда…

– О нет! Только не ария аристократки, ограбленной революцией! Благодарю, Шатобриан.

– Ну и ладно. Замолкаю.

Они расправлялись со своими шашлычками в глухом молчании. Так часто случалось во время их совместных обедов – они делали паузы, чтобы поразмыслить. На этот раз новый старт обсуждению дала Эма.

– Как тебе Фред? Вас не напрягло, что я его притащила?

– Вовсе нет. Мне он показался… – Габриэль подняла голову, тряхнув золотыми волосами, – ужасно трогательным. Он почти мог бы стать Стервой.

– Судя по всему, ты произвела на него сногсшибательное впечатление. Как на всех мужиков, чего уж там.

– Он тоже произвел на меня сильное впечатление. Но ты же знаешь, что я омерзительно верная.

– Ну-ну… – Эма помотала у нее перед носом своей шпажкой с нанизанными кусочками говядины с сыром. – Если честно, я уверена, что ты принимаешь участие в оргиях в загородных замках, в таких себе забавах декадентствующих аристократов, которые ты от нас скрываешь. Кстати, мы твоего парня когда-нибудь увидим?

– Моего любовника. Я его любовница, следовательно, он мой любовник. Боюсь, не увидите. Он вам покажется отвратительным, а поскольку ваше мнение для меня важно, я предпочитаю избежать этого.

– Но что в нем такого ужасного? Даже если в каждое полнолуние он перерезает горло очередной девственнице, мы примем его, раз он тебе дорог. Подруги всегда так поступают.

– Я подумаю… Но вообще-то он делает кое-что похуже.

Выйдя из ресторана, Эма позволила себе еще один перекур у входа в редакцию. Она хотела спокойно поразмыслить. Чтобы расследование продвинулось, требуется какая-то идея. На данном этапе она не так чтобы понимала, что еще они могут предпринять. Она поймала торчавшую ниточку и потянула за нее, а ниточка оборвалась. Но должен же отыскаться какой-то выход! Вот только какой? Она так и эдак прокручивала ситуацию, но ничего не прояснялось. Что такого умного можно изобрести? Когда все застопорилось?

– Стервочка, решающая мировую проблему. Впечатляет!

Эма удивленно обернулась. Ей мило улыбался Блестер. Он пальцем указал на кафе на противоположной стороне.

– Я только пойду пописаю. Не буду тебе мешать.

– Может, немного постоишь со мной?

– Нет. Ты, похоже, вся в думах.

Она пожала плечами, и Блестер вынул из кармана сигарету. Эма протянула ему зажигалку и постаралась выдавить что-нибудь примирительное.

– Алиса в восторге от флаера к вечеринке.

– Знаю.

Эма косо посмотрела на него.

– Она прислала сообщение с благодарностью.

– Хочешь, чтобы я тоже прислала тебе по почте спасибо?

Упс… Что-то с примирением у нее не очень получается. Никаких сомнений, он ее сильно раздражает, но почему – пока не ясно.

– Можно. Знаешь, твои новые ботинки правда красивые.

Эма вяло поблагодарила, а потом добавила, что уже была в них в субботу. Блестер почти поднес сигарету ко рту, когда его рука застыла в воздухе, как если бы его посетило неожиданное озарение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21130603&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Ассоциации, переносящие в прошлое героя Марселя Пруста. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Блазон – лирический жанр французской поэзии, популярный в XVI веке.

3

Невлюбленные парижанки (франц., англ.).

4

Лоана Петруччани – победительница первого французского телевизионного реалити-шоу Loft Story, певица, стилист и телеведущая. Несколько раз совершала попытки суицида.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tityu-lekok/tri-stervy-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить